

ЛАБИНЦЫ И ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ

1920 г.

Группа Георгиевских кавалеров Русско-Турецкой войны 1877-78 гг. и урядников-гвардейцев на льготе Конвоя Российских Императоров — Александра 2-го, Александра 3-го и Императора Николая 2-го — одной из станиц Кубанского Войска. Снимок 1914 года.

БРОШЮРА №.....

Нью-Йорк. 1962 г.

Л А Б И Н Ц Ы
И
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ...1920г.
/брошюра №1-й/

О Г Л А В Л Е Н И Е:

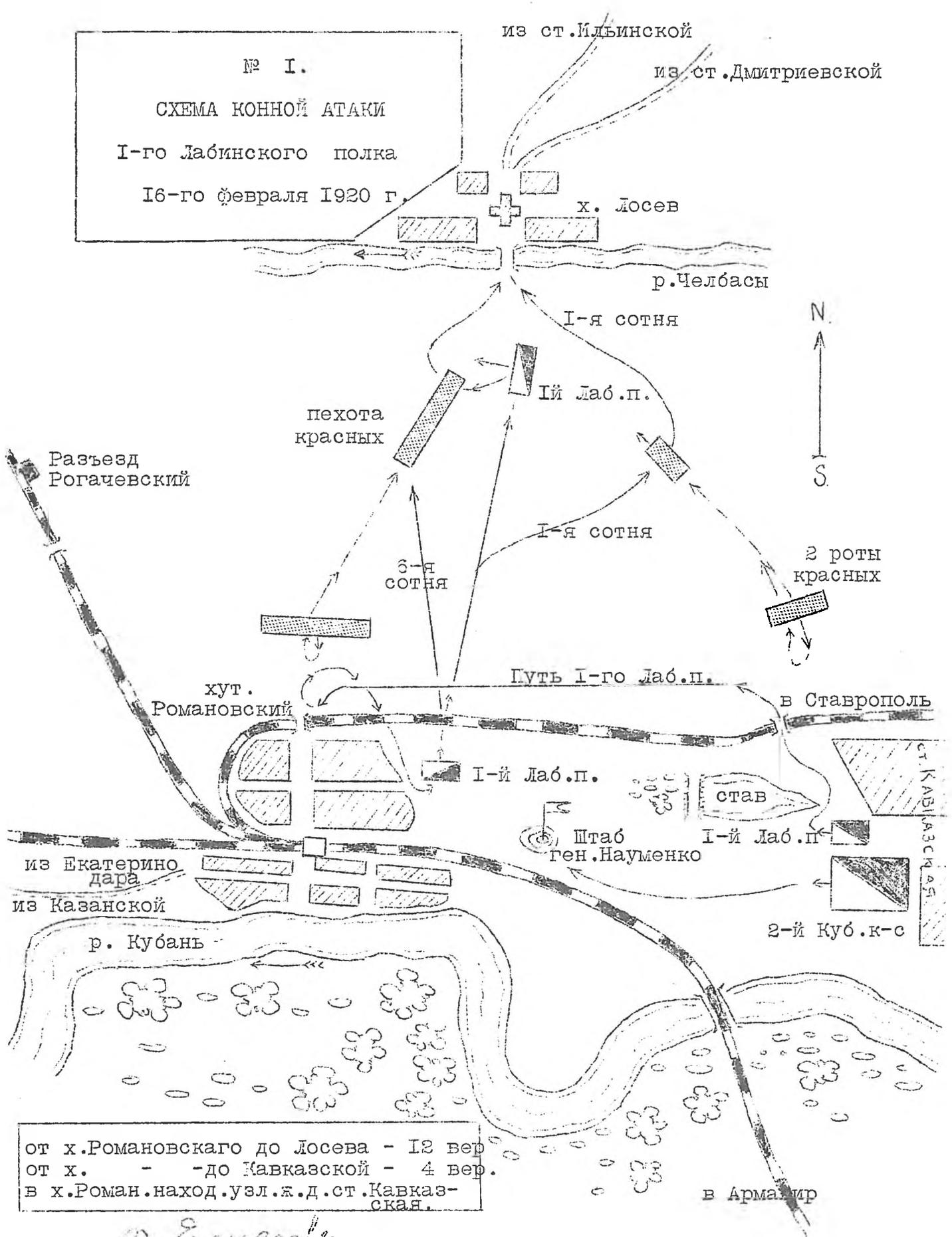
1. Кубанская Армия.
2. В своей станице. Наша мать... Урядник Сальников.
3. Полковой командирский выезд...
4. По дороге на фронт, к Маньчу.
5. В селе Ивановском Ставр. губ. Генералы Науменко и Фостиков.
6. В 1-м Лабинском полку. Полковник А.П. Булавинов.
7. Офицерский состав полка. Есаул Сахно.
8. 2-й Кубанский конный корпус генерала Науменко.
9. Первая встреча с 1-м Лабинским полком. Начальники.
10. Одна встреча перед роком...
11. Полковой врач... Его мысли.
12. Полковой казначей сотник Николай Щепетной.
13. Неприятный отход. Трагическая гибель штаба 1-го Кубанского корпуса с командиром ген. Крыжановским.
14. В станице Успенской. "Дымарь"... На рубеже Кубанской Войсковой Земли.
15. В станице Дмитриевской. Неприятные вести.
16. В станице Кавказской. Похвальные дела.
17. Конная атака 1-го Лабинского полка у х. Лосева.
18. В хуторе Лосеве. Сотник Сергей Севостьянов.
19. В полевой заставе казаков-стариков.
20. Официальные справки и приказ Войскового Атамана о действиях 1-го Лабинского полка.
21. Кроки конной атаки 1-го Лабинского полка у хутора Лосева 16-го февраля 1920 года.

— • —

Цена брошюры - 1 доллар. Выписывать по адресу:
Theodore Elyseev, 502 W 177 St. Apt. 1 C,
New York 33, N.Y.

№ 1.
 СХЕМА КОННОЙ АТАКИ
 I-го Лабинского полка
 16-го февраля 1920 г.

от х.Романовского до Лосева - 12 вер
 от х. - - до Кавказской - 4 вер.
 в х.Роман.наход.узл.ж.д.ст.Кавказская.

Ф. Елисеев

КУБАНСКАЯ АРМИЯ.

После русской революции в Петрограде в феврале 1917 года - на территориях всех Казачьих Войск, совершенно без предварительного сговора - были созваны Войсковые Круги, на Кубани Войсковая Рада /Казачьи парламенты/, избраны Войсковые Атаманы, образованы Войсковые Правительства, т.е. - было восстановлено древнее Казачье самоуправление на своих Казачьих Землях, но с подчинением Российской центральной власти, только что образованному Российскому Временному Правительству в Петрограде.

В конце октября того-же года, с захватом в Петрограде Государственной власти политической партией большевиков - все Казачьи Правительства, так-же, не сговариваясь предварительно - этой новой власти не признали и объявили полную независимость от нея по управлению своими Землями впредь до образования правового Правительства России. Для обеспечения порядка на своих Землях от новой власти - на территориях Казачьих Войск стали формироваться "Правительственные отряды". Это особенно рельефно выразилось в Оренбургском, Уральском, Донском, Кубанском и Терском казачьих Войсках.

Осенью 1917 года, на Дону начала формироваться Русская Добровольческая армия под политическим руководством генерала Алексеева, которую возглавил мужественный сердцем генерал Корнилов.

В феврале 1918 года Дон пал. Добровольческая армия ушла на Кубань. В марте, в Закубанье, она соединилась с Кубанскими правительственными отрядами. 14 марта того же года, в станице Ново-Дмитриевской Екатеринодарского Отдела, произошло заседание высших генералов Добровольческой армии с Кубанским Атаманом и Правительством, на котором постановили:

1. "Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую Область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанскому Правительственному отряду - для объединения всех сил и средств - признается необходимым переход Кубанского Правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет необходимо.

2. Законодательная Рада, Войсковое Правительство и Войсковой Атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям Командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского Края, с его начальником штаба, отзываются в распоряжение Кубанского Правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии.

Подписали:

Генералы - Корнилов, Алексеев, Деникин, Кубанский Войсковой Атаман полковник Филимонов, генералы - Эрдели, Романовский, Покровский, председатель Кубанского Правительства Бич, Председатель Кубанской Законодательной Рады Рябовол, Товарищ Председателя Законодательной Рады Султан-Шахим-Гирей".

/из книги - "Три года революции и гражданской войны на Кубани", Д.Е. Скобцова, стр. 80/.

После трагической гибели генерала Корнилова при штурме Екатеринодара 31 марта 1918 года и отходом Добровольческой армии на Дон - начались "тернии" по формированию Кубанской армии между командующим Добр. Армией генералом Деникиным и Кубанским Правительством, не приведшим к положительным результатам. Кубанская армия так и не была сформирована.

Казачья печать винит в этом Кубанского Войскового Атамана генерала Филимонова и Походного Атамана генерала Науменко, но это было не совсем

так. Военные условия на Кубани с лета 1918 г. были совершенно не такими, каковыми они были в Донском, Уральском и в Оренбургском казачьих Войсках, где казаки самостоятельно освободили свои территории от красных и поэтому - Войсковые Атаманы и Правительства этих Войск были совершенно независимы в своих действиях. На Кубани же события развивались иначе. И Кубань была освобождена от красных войск не только что своими храбрыми конными дивизиями и пластунскими бригадами, но была освобождена и при помощи доблестных полков Добровольческой Армии под общим руководством Командующаго всеми этими войсками генерала Деникина.

Все казачьи возстания на Кубани против красных весной и летом 1918 г. были подавлены. И надо сознать, что без Добровольческой Армии - Кубань, своими чисто казачьими силами, не могла быть освобождена. Поэтому Добровольческое Командование считало своим правом вникать даже в автономное управление Кубанским Войском, т.к. Кубань являлась главной базой и воинских казачьих сил и богатых материальных средств ее.

Кубанская Краевая Рада, Войсковой Атаман Филимонов и Правительство отстаивали свои права над независимым ни от кого управлением Кубанским Краем и по своей Конституции и по договору с генералом Корниловым и его военным окружением, - настаивало иметь свою Кубанскую Армию.

Впротивовес этому настоятельному требованию Кубанского Правительства - генерал Деникин пишет:

"Кубань, долею судьбы, являлась нашим тылом, источником комплектования и питания Кавказской армии и связующим путем как с Северным Кавказом, так и единственной нашей базой Новороссийск. Нас сковывали цепи, которых рвать было невозможно". /Очерки Русской Смуты", том 5, стр. 199/.

- * -

10-го января 1919 г. генерал Врангель был назначен "Командующим Кавказской Добровольческой армией" /"Белое Дело", том 5-й стр. 108/, которая с Терека должна быть переброшена в Донецкий каменно-угольный район.

Заболев сыпным тифом на Тереке - он лечился в Сочи. В конце марта, по выздоровлению, прибыл в Екатеринода и - вот что он пишет:

"Непокорный генерал Краснов только что передал атаманскую булаву генералу Богаевскому; последний, мягкий человек, явился послушным орудием Ставки. На Кубани и Тереке власть Главного командования была почти неограниченной. Правда, в Екатеринодаре, между Ставкой и местной властью, в лице Атамана и Правительства, не обходилось без трений.

Атаман, генерал Филимонов, горько жаловался мне на чинимья генералом Деникиным кубанцам незаслуженныя обиды, на постоянно подчеркиваемое Ставкой пренебрежительное отношение к нему и местным властям.

На то же сетовал и Походный Атаман генерал Науменко, указывая, что, - признав наравне с Доном автономию и прочих Казачьих новообразований - Главное командование, в то же время, сплошь и рядом, по отношению Кубани нарушает свои обязательства. В то время, как Дон имел свою Донскую армию, подчиненную генералу Деникину лишь в оперативном отношении - Кубань, посланная на защиту родины большую часть своих сынов, этого права была фактически лишена. В то время как в Донской армии назначения, производства исходили непосредственно от Атамана - в Кубанских частях право оставлял за собой генерал Деникин".

Тут-же, генерал Врангель добавляет от себя: - Эти жалобы имели несомнен-

но некоторое основание. Для единства действий и успешности нашей борьбы, - главное командование, в отношении подведомственных ему войск, должно было располагать полной мощью. Двойственное подчинение казачьих частей, несомненно, создавало не мало затруднений. Однако, принцип полного и единоличного подчинения казаков необходимо было бы провести в жизнь в равной степени, как в отношении Кубани и Терека, так и Дона. Нахождения же в рядах Вооруженных Сил Юга России казачьих частей, хотя бы и разных Войск, на различных основаниях, представлялось, несомненно, несправедливым и должно было быть чревато последствиями.

Существование Отдельных Казачьих армий в оперативном, да и в других отношениях, несомненно, крайне усложняет дело, однако, если тем не менее находится необходимым оставить за Доном право иметь свою армию, то и Кубань и Терек должны иметь это право". /стр.117 и 118, там-же/.

Продолжим дальше по книге генерала Врангеля:

Генерал Романовский, начальник штаба главнокомандующего генерала Деникина, в письме к генералу Врангелю от 24 апреля 1919 года, со станции Тихоцекой, пишет -

"У Вас, вероятно, был уже генерал Науменко и говорил по поводу Кубанской армии. Сама обстановка создана, что почти все Кубанские части собрались на Царицынском направлении и мечты кубанцев иметь свою армию, могут быть осуществлены. Это Главнокомандующий и наметил исполнить. Науменок, конечно, очень обрадовался. С созданием Кубанской армии, становится сложный вопрос о командовании ею. Все соображения приводят к выводу, что единственным лицом, приемлемым для Кубани, и таким, которого будут слушаться все наши Кубанские полководцы - Покровский, Улагай и Шкуро - являетесь Вы.

Главнокомандующий интересуется - как Вы к этому вопросу относитесь?"

В этом же письме генерал Романовский пишет, что из Терских частей будет создан "Терский корпус", который не войдет в Кубанскую армию, а войдет в Добровольческую. /там-же, стр.130/.

В ответ на письмо Романовского - генерал Врангель рассуждает:-

"Мысль, что мне придется командовать Кубанской армией, армией отдельного Государственного образования, в политике, в значительной мере, идущей в разрез с политикой Главного командования - справедливо меня пугало.

Как Командующий Кубанской армией, я оказался бы в некотором подчинении Кубанской власти и был бы неизбежно причастен к политике Кубани, которую я разделять не мог."

Свои мысли генерал Врангель, видимо, сообщил генералу Романовскому, который ему ответил, что:

"Об, единение Кубанских частей в армию, с наименованием КУБАНСКОЙ - не должно быть понимаемо, как признание какой-либо зависимости этой армии от Кубанского Правительства и расширения прав последнего /т.е. Кубанского Правительства, Ф.Е./ в отношении Кубанских войск."

Продолжим и еще:

На Маныч, к генералу Врангелю прибыли - Кубанский Атаман генерал Филимонов и генерал Науменко. Было совещание, которое ген. Врангелем фиксируется так:

"При этих условиях, Кубанский Атаман сам отказался от предложения генерала Деникина именовать новую армию КУБАНСКОЙ, признав, что раз, по существу, вопрос неразрешен, то лучше уж вновь формируемой армии

дать название КАВКАЗСКОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ, под которым большинство войск Манычского фронта сражались за освобождения родного им Кавказа.

Тут-же, за обедом, составили телеграмму генералу Деникину, каковую написали Кубанский Атаман и я." /стр.131 и 132/.

- . -

Вопрос о создании Кубанской армии, все же, не закончился. После взятия Царицына Кавказской Добровольческой армией, состоящей из трех Кубанских корпусов, 2-й Терской казачьей дивизии и Горских частей - генерал Врангель прибыл в Екатеринодар. Продолжим его строки:

"30-го июня 1919г., состоялось совещание с казаками. Совещание происходило на квартире генерала Науменко. Присутствовали генералы: - Романовский, Плющевский-Плющик, Атаман генерал Филимонов и генерал Науменко.

Я изложил общую обстановку, дал сведения о боевом составе частей и данные о необходимом количестве пополнений.

Генерал Филимонов, не касаясь вопроса по существу, стал говорить о том, что казаки глубоко обижены несправедливым к себе отношением; что давнишние чаяния их иметь собственную Кубанскую армию, несмотря на неоднократные обещания генерала Деникина - не получили удовлетворения. Что - будь у казаков собственная армия - все от мала до велика, сами шли бы в ее ряды.

Генерал Романовский возражал, указав между прочим, что среди кубанцев нет даже подходящего лица, что бы стать во главе армии.

"Разве что Вячеслав Григорьевич мог-бы командовать армией?" - со скрытой иронией добавил начальник штаба.

Генерал Науменко поспешил заявить, что он сам не считает себя подготовленным к этой должности, но что в замене Командующего /Кубанской/ армией нет и надобности. Командующий Кавказской армией, которая состоит почти из одних кубанцев, хотя по рождению и не казак, но имя его достаточно популярно среди Кубанского казачества и оставление его во главе Кубанской армии - удовлетворило бы и "правительство" и казаков.

Войсковой Атаман поддержал генерала Науменко. Я решил сразу покончить с делом и, раз навсегда, совершенно определенно, выяснить взгляд мой на этот вопрос.

"Пока я Командующий Кавказской армией - я не отвечаю за политику Кубани. С той минуты, как я явлюсь бы командующим Кубанской армией, армией отдельного государственного образования - я стал бы ответственным за ее политику. При настоящем же политическом направлении Кубани - мне, ставши во главе Кубанской армии, осталось бы одно - командовать:

"Взводами налево кругом" - и разогнать Законодательную Раду."

Наступило общее смущенное молчание. Генерал Романовский поспешил закончить совещание, прося Атамана и генерала Науменко сделать все возможное для скорейшей высылке в мою армию пополнений. Ничего определенного я добиться не мог." /генерал Врангель, стр.167 и 168/.

- . -

Кубанская армия не была сформирована. Все армии генерала Деникина - Добровольческая, Донская и Кавказская, к концу декабря 1919г., с тяжелыми боями отошли за Дон. Холодный расчет говорил - это - к о н е ц . . .

Мы, фронтовики, так не думали. Считали, что это есть временная неудача. А что происходило тогда в тылу - послушаем генерала Деникина:

"Настал 1920-й год. Генерал Врангель получил назначение формировать Кавказскую конную армию; прибыл в Екатеринодар, где имел ряд совещаний с Кубанскими деятелями. На этих совещаниях были выработаны общие основания формирования трех Кубанских корпусов, во главе которых должны были стать генералы - Топорков, Науменко и Шкуро.

Между тем, как оказалось - с возглавлением Кавказской группы бароном Врангелем вышло недоразумение /на Терее, Ф.Е./ и на Кубани. Заместитель Кубанского Атамана Сушков и председатель Кубанской Рады Скобцов отнеслись к такому предложению совершенно отрицательно, заявив, что - "если это случится, то казаки не пойдут в полки, так как генерал Врангель потерял свой престиж на Кубани". Они просили генерала Науменко "принять меры, что бы барон сам отказался от этой мысли". Науменко поручение исполнил". /"Очерки Русской Смуты", том 5-й, стр. 288 и 290/.

Не вдаваясь в подробности событий - только тогда, по оставлению Ростовца, когда все армии отошли за Дон - генерал Деникин дал согласие на оформление Кубанской армии. Надо признать, что это было очень поздно и совершенно бесполезно. Фактически - фронт рухнул, чего не видели и не хотели понять мы, фронтовики.

В январе 1920 года оформилась Кубанская армия и первым командующим ею, генералом Деникиным, был назначен генерал-лейтенант Андрей Григорьевич Шкуро, казак станицы Пашковской.

Через полтора месяца, вся наша богатая и цветущая Кубань-Отчизна - была оккупирована красными войсками.

Генерал Врангель любил и глубоко ценил Кубанское строевое казачество. Здесь не лишнее указать - как он разценивал наше племя в станицах?

В апреле 1919 года, по выздоровлении, едуци из Сочи в Екатеринодар - он посетил по пути станицы Лабинского Отдела: Петропавловскую, Михайловскую, Курганную, Константиновскую, Чамлыкскую, по которым прошел во главе нашей 1-й Конной дивизии, состоявшей из полков - 1-го Запорожского, 1-го Уманского, Корниловского конного, 1-го Екатеринодарского, 1-го Линейного и 2-го Червесского конного. И вот его отзыв и о станицах и о казаках:

"Тепло и сердечно встречали меня казаки. По долгу беседовал я со станичными сборами. Обедая с стариками в станичном правлении. Осматривал школы, училища и лечебные заведения. Пронесшаяся над Краем гроза, казалось, не оставила никакого следа. Жизнь пошла в обычный уклад и огромная богатая станица, успели оправиться. Все дышало довольством и благоденствием. Казаки очень интересовались общим нашим положением, подробно меня обо всем спрашивали".

И этот теплый отзыв об огромных и богатых станицах, которые не только что оправившись от пронесшейся над Краем красной грозы, но от которого не осталось и следа - генерал Врангель заканчивает свой отзыв о самых владельцах этого Кавказского Края так:

"Я лишним раз убедился - насколько общий умственный уровень Кубанских казаков сравнительно высок". /стр. 117/

К этим похвальным словам генерала Врангеля надо добавить:

Кубанская Область, по своей территории, равна одной губернии России, но ее казачье население в полтора миллиона человек всех возрастов - выставило от себя в гражданскую войну 1918-20 годов четыре корпуса войск; и выставило в полном обмундировании, с холодным оружием и лошадьми конных полков на собственные деньги семейств своих казаков. И несмотря на жертвы и доблесть всего Войска - Главное командование до конца не позволило Кубанскому Войску иметь свою армию.

Непозволило мобилизовать в свои пластунские части и коренных жителей-иностранцев. Получалась ненормальность: - города и крестьянские села Кубани имели своих делегатов в Краевую Радугу; некоторые из них входили членами и в Кубанское Краевое Правительство, т.е. распоряжались в своем Крае наряду с Кубанскими казаками по всем отраслям Края, но служить в частях его, - им неразрешено было Главным командованием генерала Деникина. Странно и обидно все это осознавать. Но... перейдем к событиям "о Лабинцах".

В СВОЕЙ СТАНИЦЕ.

Для семьи, мое появление, и без предупреждения - было исключительной радостью. Наша страдальница-мать, казалось, забыв свое печальное вдовье положение - всю свою любовь теперь, в эти два дня моего пребывания "дома", по пути вновь на фронт, перенесла исключительно на меня, которого не видела около 5-ти месяцев, при нашем отступлении "От Воронежа и до Кубани". И вот, теперь, он здесь, здесь, живой, бодрый, свежий и веселый. И не только что он лично сам, родной сын ее здесь - но с ним жива и здорова, так хорошо знакомая ей его кобылица "Ольга", участница всех боев "от Воронежа".

Такие, кажущиеся, второстепенные объекты в казачьем семействе - они оч. дороги в быту семьи и захватывают все существо "всех домашних". Это означало, что их сын, внук или брат - вернулся с войны не только что целым и невредимым, но он вернулся с войны, даже, на той-же строевой лошади, на которой и ушел из дому.

Это возвращение у казаков "домой" - так ярко, так характерно и так образно описал большой Донской писатель, Ф.Д.Крюков. Вот оно:

"Мать, вся охваченная благодарным восторгом и счастьем - подошла к серому "Залыну" и поклонилась ему в копыта.

"Спаси тебя Христос, милая лошадушка?... Носила ты моего сыночка родиманю, служила ему верно, товарищем была и целым принесла мне его назад!" - произнесла она.

"И плача - взяла руками умную голову лошади и поцеловала ее в мягкия вздрагивающия ноздри".

/Журнал "Перезвон", в статье "Казачья П.Н.Краснодар/.

Так, прилгизительно, разценивала наша мать мое возвращение "домой" роль моей кобылицы "Ольга", в седле, с тяжелыми арьергардными боями, доставившего ей сына "от Воронежа и до Кубани".

Нашей матери тогда было 50 лет. После трагической гибели нашего отца - она постарела и так нуждалась в нашем сыновьем присутствии при ней, в нашей моральной помощи ей.

Но, -какая-же могла быть моральная помощь?!... Вот и сейчас: - старший сын, Андрей, Есаул 1-го Кавказского полка где-то на фронте. Младший, Георгий, сотник Корниловского конного полка, так-же, где-то на фронте. А при ней, в доме, в хозяйстве - 70-летняя старушка, мать мужа, наша дорогая бабушка, да три дочери-подростки. На кого-же опереться ей?!

Бедная наша казачья-мать! И кто поймет их безкрайнее горе в той войне, которое вело Казачество "За свой порог и угол"?

На "полковом въезде" / о нем ниже /, в отцовских парадных санках, мы катим с матерью к кому-то в станице. Мать, запахнувшись в теплую шаль - от радости не находит слов, что сказать мне.

"Ах, сыночек!... был-бы жив отец!.. как-бы он был счастлив!" - вырвалось у нея из души.

На Кубани, да и вообще, в Казачьих Войсках, достигнуть должности Командира полка в мирное время - считалось редким случаем для строевого офицера. Вот это, именно, и сказала мать о достижении своего сына. Я на это ничего ей не ответил, но понял - насколько она была счастлива, неграмотная казачка, мать 12-ти детей, давшая своему Кубанскому Войску трех сыновей-офицеров.

Глубокая, неискушенная, чистая и честная станичная душа, перед которой надо преклониться и лобызать ея чистыя уста и мозолистыя руки трудолюбивых земледельцев-казачков и казачек.

К вечеру у меня Воронежский крестьянин, бывший унтер-офицер Максим - с румянцем на смуглом лице, молодецкий, расторопный и очень хозяйственный мужчина лет 30-ти, бросивший свой дом и семью и со 2-м Хоперским полком отступил до самой Кубани. Обо мне, за общим столом в семье, он говорит только так:

"Мы с господином полковником, Федор Ивановичем"... и дальше продолжает рассказ о каком-либо случае. На восхищение приятный русский крестьянин был этот Максим.

Мать нашу - он почтительно называет "тетенька" или "мамаша" и она от него в восторге.

Моих сестреночек-гимназисток - Надю, Фисю и Нину он называет по именам и все увлекает их "прокатить по станице" на его, черных как смоль вороних воронежских жеребцах в санках. Все в семье в восторге от Максима - хорошо сложенного физически и всегда веселого.

Возвращаясь домой - с матерью заехали в штаб Кавказской запасной сотни, временным командиром которой состоит старший урядник Михаил Егорыч Ткачев. Он был инструктором в станице молодых казаков и обучал нас, школьников, и пешему строю, и гимнастике на снарядах и словесности. Потом был образцовым станичным атаманом. Богатый, умный, почетный в станице казак, летами чуть моложе нашего отца. Черная густая борода - округленная - была у него еще и тогда, когда он был инструктором, т.е. когда ему было около 30-ти лет. Образный казак старых времен. Старовер. Выходец из Дона, из станицы Нижне-Чирской. С него можно было писать портрет Степана Разина.

Большой дом, штаб сотни - полон бородатых казаков-станичников. В комнате тесно от толпы, дымно, накурено, плохо пахнет овчинными шубами, в кои были одеты казаки. Все гомонят и беспрестанно курят. Командир сотни, увидев меня, командовал только "встать!" Все встали, но увидев мою мать - дали дорогу и посадили ее на почетное место.

"Расскажите нам Федор Ваныч - што на фронте? Нужно-ли туда идти?" - спрашивает меня под гробовое молчание Михаил Егорыч.

Все напряженно слушают меня и курят, курят без конца махорку. И когда мать, наглотавшись этого табачного чада, громко чихнула - Ткачев досадливо выкрикнул:

"Да не курите Вы, анчихристы! . . . Сколько раз я Вам говорю об этом!"

Если-бы были времена Минина и Пожарского - эти воины достойны восхищения

но теперь... Я им не сказал, что они "устарели", но видел - как они боятся прихода красных и хватались за спасательную соломинку, которую ожидали от моих слов. Я их, конечно, обнадежил, что - "красные сюда не придут". Хотя тогда я и сам так верил.

Образование своей Кубанской армии их порадовало и они считали, что общими силами - мы отстоим свою Кубань. Счастливы кто верует....

Но каково было удивление и огорчение моей матери, когда она узнала от меня, что я еду вновь на фронт и ровно через два дня.

"Ты все, сыночек, на фронт да на фронт... посмотри как другие! Даже соседи удивляются и говорят: - "живой-то ваших сынов не видно дома?... хучь-бы матери помогли в хозяйстве!.. все на фронте да на фронте".

Что я мог ответить ей, жалкой?/т.е. любимой - станичный термин, Ф.Е./ . Слово "надо" - было единственным для нее понятным аргументом, который для нее был равносильным закону.

В станицах глубоко вкоренилось в психологию и казаков, и их жен и матерей, что казак для того родился, что бы служить Царю и Отечеству и, хотя Царя убили, а Отечество-Россия занято красными, служить, все-же, надо, а бороться против красных - в особенности.

И на мой ответ "надо" - мать горестно и беспомощно покачала головой и ее добрые, уставшие плакать, глаза - наполнились слезами.

Бедная наша мать?... то-ли ее ждало еще впереди?... и если-бы она знала "ближайшее будущее", то - стоили-ли ей еще жить?!

- * -

Мой конный вестовой, старший урядник Тимофей Сальников, доложил мне, что он "разбит душею", не верит в нашу победу над красными и просит меня обратски - отпустить домой. А что дальше будет с ним - на мой вопрос - он махнул рукой и печально опустил свою умную голову.

"Федор Иванович!... я с Вами был безотлучно от самого Воронежа.. Вы же знаете, что мы переживали!... и я молчал, т.к. это "надо было"... а сейчас - уж все ни к чему... мы не устоим перед красными.. Отпустите меня?" закончил он.

С точки зрения воинской дисциплины, это было совершенно недопустимое обращение и мышление казака перед офицером, своим начальником, но в тот период времени - многие уж не верили в нашу победу, а "высший класс", с семьями, выехал уже в Крым и, даже, за границу.

Мы, офицеры, к несчастью, думали тогда, что рядовой казак, даже урядник - не умеет, не сможет разбираться в происходивших событиях, политических и военных.

Мы думали, что эту "чуткость понятия", доступно только человеку интеллигентному, образованному, в особенности офицеру, которым и даны "карты в руки".

Военная служба Сальникова в Собственном Конвое Русского Императора, в блеске, при многочисленных всевозможных наблюдениях и ощущениях - они, конечно, умному казаку дали жизненную школу личного развития. И теперь передо мною стоял не образцовый строевой старший урядник, долженствующий отвечать офицеру? - слушаюсь... так-точно... никак нет - а стоял казак-гражданин в полном развитии своих физических и духовных сил и понятий, 27-летний. мужчина, видевший и переживший многое.

Я его отпустил.

"ПОЛКОВОЙ ВЪЕЗД" . . . . /Командирский.../

В печати часто встречается "о грабежах казаков на фронте". Возмутительно это читать, как и оскорбительно.

На войне, все армии всех стран, порою, не церемонятся с имуществом жителей, но почему то "оттеняют" в этом только казаков.

В тех полках, в которых я служил в Великой войне на Турецком фронте и в гражданской войне - этого не было. При всегдашних недостатках довольствия казаков и лошадей, конечно, приходилось брать фураж у жителей, но всегда за плату.

В гражданской войне, у офицеров было больше скромности, нежели нормальных возможностей в жизни и в походах, как командному составу.

В Корниловском конном полку я пробыл с сентября 1918, по май 1919 года, пройдя с боями от Закубанья и до Маньча. На Маньче три месяца командовал этим полком. Все видел и все знал - как жили наши офицеры. Даже у командиров сотен не было никакого личного багажа, а на сотенной канцелярской линейке возились ковровые обыкновенные казачьи сумы с бельем, запасной гимнастеркой, сапогами, да шуба-кожух.

Полковник Н.Г.Бабиев, прибыв в наш полк 13 октября 1918г. в станицу Урупскую - в седле, в тороках - он имел полупустые детские ковровые сумы в которых было белье, запасные чевяки и бритвенный прибор. Это и был весь "командирский багаж".

Мой личный багаж возил в сумках конный вестовой Данилка Ермолов, который состоял из пары белья и запасных чевяк.

Во 2-м Хоперском полку офицеры были еще скромнее Корниловцев и некоторые офицеры личный багаж имели в сумках, в тороках своего-же седла.

Мой "командирский багаж", белье и чевяки, держал в своих сумках конный вестовой, боевой спутник, урядник Тимофей Сальников. И, главное, ни у кого из офицеров вышеуказанных полков, не было стремления "обогатиться", в особенности за счет жителей. Иное дело - военная добыча, главное - лошади, в которых всегда нуждается всякая кавалерия.

На переходе 2-го Хоперского полка от Матвеева Кургана и до Ростова - полк получил "подводную повинность" от жителей. В Бавайске ко мне обратился подводчик, молодой стройный парень, весь красный лицом. Он просил дать ему удостоверение в том, что - "заболел тифом, отправлен в госпиталь а сани с двумя лошадьми оставлены в полку". Он действительно был в остром приступе этой болезни. Как работник у хозяина - ему нужен этот документ, что бы показать хозяину, что он "заболел".

Приказал показать мне своих лошадей в санях, как факт, что он не вреш. В упряже один старый, как смоль вороной, воронежской породы конь, а вторая была гнедая кобыленка, почти годная под седло. Выдав документ - приказал "этот выезд" держать при мне. Кучером нашелся, вот этот самый Максим, о котором пишу.

В х.Тихорецком, Максим доложил, что во 2-м Партизанском полку, в одной из сотен, есть "в масть" и, очень подходящий "в пару к нашему", так же воронежский жеребец, котораго можно выменять на гнедую кобыленку. Коня привели на-показ. Он стар. Одно копыто передней ноги расчеплено от самага венчика и до подковы. Старая рана. Он чуть нахрамывает; но конь, действительно, и мастью, и гривой и пышным хвостом был, словно, двойник "нашему". Командир сотни с удовольствием обменял его на молодую кобыленку, а у нас получилась пара одномастных, вороных как смоль, гривастых и хвостатых воронежских жеребцов.

За время пребывания в Новолеушковской и Невинномысской - Максим кормил и ухаживал за ними как за своими собственными. Разчесал хвосты и гривы. Кони отдохнули и приняли приличный вид. И вот, уезжая из 2-го Хоперского полка, по праву пережитого "от Воронежа" - я взял их с собою, предполагая завести собственный "командирский выезд". В полку оставил и линейку и хомуты-"шлеи". Взял с собою, как говорят, "голых лошадей" и кучера Максима.

К этому было еще одно моральное право: - в мирное время в Императорской армии, каждому командиру полка полагался, именно, "полковой выезд" - экипаж с двумя лошадьми и кучер. Качество их зависило от личности, которому они полагались. Я, законно, был прав в своих действиях.

П О Д О Р О Г Е   Н А   Ф Р О Н Т.

У меня есть лошади, но нет ни саней, ни экипажа. И хотя стояла лютая зима - я беру отцовскую "барскую" тачанку, выездные хомуты к ней с четырьмя нитяными цветными вожжами и отправляюсь на фронт.

Во всех странах мира, в военных училищах, молодежь готовится для строительства армии и, главное, для войны. Это так глубоко впитывается в души, что большинство офицеров всегда рады войне. Как ни странно - но это так. Таков был и я. Тыл для меня был нуден и не интересен.

Перед самым отъездом, наша горемычная мать глубоко вперилась в меня своими глазами и произнесла только два слова: - "Опять, сыночек?"...

Она уж не плакала. Все слезы уж выплаканы.

2-й Кубанский корпус генерала Науменко находится на фронте, где-то, в сторону Торговой Ставропольской губернии. Под станицей Ильинской навстречу идет табун лошадей голов в двести. То, оказалось, отходит какой-то Донской конозаводчик. Все лошади рыжие и еще в хороших телах. Что они "отходят" - мне показалось странным и неприятным. Значить, на фронте не так спокойно - заключаю.

В Песчанокопской Ставроп. губ. стояли какие-то запасные части. Здесь этап. Лежал глубокий снег. Морозно. И мне показалось смешным и ненужным гимнастическая упражнения на обширной площади со старыми солдатами, одетыми в короткия овчинныя безрукавки и... в валенках. Здесь я напал "на след" корпуса. На заборах, мелом, крупными буквами, указаны стоянки полков, по которым я определил - из каких частей состоит он. 1-й Лабинский, 2-й Лабинский, 1-й Кубанский, 2-й Кубанский, 1-й Кавказский, 2-й Кавказский, 1-й Черноморский, 2-й Черноморский - гласили надписи, и для меня и... для красных. Мне показалось, что этого писать на заборах было ненужно. Указаны и батареи. Все надписи были четки и свежи, и усиливали мои чувства - как можно скорее достигнуть корпуса.

Бывают предчувствия и очень реальные. Читая надписи так мне знакомых полков - я почувствовал какую-то особенную близость к надписи - "1-й Лабинский полк" и подумал, что - командовать буду, именно, этим полком.

1-й Кавказский полк был моя кровная родина и колыбель моих первых офицерских лет с 1913-го по 1918-й год. Казалось-бы, сердце должно биться только для него и должно вызывать "биение души" только этим названием! Ан, нет?... 1-й Лабинский полк заворожил меня. И это оказалась реальная действительность ровно через два дня.

- . -

Ночью в доме очень богатого крестьянина. Села не помню. Его 25-летний сын-телефонист, тут-же, в отпуску. Отец и сын против красных, но - "Удержим ли мы фронт?" - спрашивают они оба.

"И не лучше-ли, как-то, помириться с красными? - добавляют.

Мне этот разговор совершенно не нравится. Их глаза явно говорят мне, - "надо помириться"....

"Смотрите, господин офицер, куда идем мы", говорит отец. "У всех у нас "колокольчики"/т.е. Леникинские деньги, Ф.Е./, да столько, что хоть стену лепи ими вместо шпалер. И меньше 500 рублей бумажки нет. А идешь в лавку - никто не меняет. Хоть рви ее на куски"....

Эту "действительность" я и сам знал, как знали все. И т.к. я не хотел подрывать авторитет главного командования, то ответил им - "Я строевой офицер и в этом мало разбираюсь". Но я заметил, что они совершенно мне не поверили и разговор прекратили.

- . -

"Мне нужна комната переночевать. Я еду в корпус генерала Науменко" - говорю я писарю этапа следующего села.

"Этапный комендант сплать.. и не приказано будить... они очень строгий насчет этого", докладывает мне писарь.

"Кто он таков?... В каком чине?" - досадливо спрашиваю.

"Полковник... старик из отставки", поясняет писарь.

"Так вот - пойди, разбуди и доложи ему, что один полковник едет на фронт в корпус генерала Науменко и что ему нужна комната для ночлега. Понял?... Иди!" - строго сказал этому писарю - "деревне".

Что он говорил своему полковнику, я не знаю, но скоро передо мною появился заспанный худенький, небольшого роста старичек лет под 70, заезжил и услужливо докладывает:

"Ваше Превосходительство изволите спрашивать комнату?... пожалуйста, есть, есть одна".

Я вначале удивленно посмотрел на него, годящего по летам мне в деды, и титулующего меня на "Ваше превосходительство" и хотел ему сказать, что я только полковник, но вижу, что "генералом" для меня быть выгоднее, кста-ти бурка закрывала мои погоны, и не вдаваясь в подробности - занял ночлег. И это было в ближайшей прифронтной полосе. И кто это назначал сюда таких этапных комендантов, вынутых из под нафталина? И мы хотели победить

Жители поговаривали, что в селах не спокойно. Много солдат вооруженных "обрезами", которые по ночам подстреливают.... Вот, думаю, чего еще не хватало - попасть в тылу, одному, в их руки.... А добыча моя была богата: - три отличных лошади, шегольская тачанка. Но - все обошлось благополучно.

Мы везжаем в новое село. В нем так тихо, как бывает тихо в селах перед захватом неприятелем, когда все жители прячутся в свои дома, а на улицах нет ни одной души.

Мое сердце похолодело.... Рукою невольно прощупывая свой револьвер. А потом думаю - и он не поможет... И как я был рад, когда встретились обозные казаки какого-то полка. Они сказали мне, что это ближайший тыл 2-го Кубанского корпуса, который находится в 15-ти верстах отсюда, в с. Ивановна. Они так-же в некоторой панике, т.к. кругом, действительно, неспокойно.

Глубочайший снег заволок дорогу. Колеса моей тачанки режут его по глубине четверти на-две. Мятель жестоко бьет спереди. Навстречу нам идет сотня пластунов. Дорога очень тяжелая для пешехода, но ветер дует им в спину и они идут, идут. Свернув с дороги, остановился, что бы узнать - кто они и откуда? В их командире сотни узнал своего Майкопского техника Павла Сокола, казака станицы Дядьковской. Его я не видел с 1908 года. От радости такой встречи, под вьюгу, кричу ему - "Здорово Павел! -но он безучас-

тно посмотрел на меня, явно, не узнал и, не останавливаясь, тяжелым шагом продолжал свой путь с пластунами, числом до сотни человек.

После пластунов, в мертвой снежной степи, встречаю конные группы казаков. Они идут без строя, а так, по-станичному - гуртами. Все они очень тепло одеты, в положенных овчинных шубах поверх с бурками и закутаны башлыками. Ледяной попутный ветер в спину - словно усиливал "их ход домой".

Их очень много. По гуртам, думаю, человек 200. Кричу им заглушая вьюгу - "Кто Вы?"

"Больные" - отвечает кто-то.

Все они на приличных лошадях. На меня не смотрят, но я стараюсь рассмотреть их и по обмундированию вижу, что они из Кавказской бригады. А когда промелькнуло крупная фигура и лицо Михаила Савелова, сына конвойца Петра Савелова, нашего родного дяди по матери, казака станицы Казанской - у меня сомнений не стало: - то были мои родные Кавказцы. Мне было очень неприятно это осознать, т.к. я видел, чувствовал, что все они, или большинство, просто "закончили войну" и идут домой "навсегда"....

В селе ИВАНОВКА. У ГЕНЕРАЛОМ НАУМЕНКО И ФОСТИКОВА.

6-го февраля 1920 года, часов в 10 утра, в ясный солнечный зимний день, я в, ехал в село Ивановка Ставропольской губернии, Медвежинского уезда. В, ездаю на площадь и вижу конную группу спешенных казаков в противоположной стороне, у дома на высоком фундаменте. Впереди группы вижу генерала Науменко, который тихо прохаживался по дороге и, видимо, чего-то ждал. Неожиданное появление "хорошего вьезда" с заводною оседланною лошадыю позади тачанки - привело внимание многих. Генерал Науменко остановился и пытливо всматривается в мою сторону. Смотрит пытливо в мою сторону и его штаб. Я невольно смущаюсь, подумав - почему я не в седле? Вот и скажут - какой барин приехал на фронт?.. воевать в тачанке... ишь!

Пройдя скорой рысью разделяющее нас расстояние - остановился, быстро сбросил с плеч бурку, соскочил в снег и в одной черной черкесенке при серебряных погонах, в чевяках с мелкими галошами, быстро направился прямо к генералу Науменко, отстоявшего от меня шагах в 25-ти.

"Ваше Превосходительство!.. полковник Елисейев представляюсь, прибыв в Ваше распоряжение" - отрапортовал ему по положенному, приложив руку к белой корнилковской папахе низкого роста.

"А-а!.. так скоро, Елисейев?... вот-то не ожидал!.. а мы смотрим - кто же это там под, ездает в тачанке, на рысаках? Совсем не думал, что это Вы. Молодцом!.. очень приятно. Вы видите его, непоседу?" - обращается он к начальнику штаба, к полковнику Егорову, так мне хорошо знакомому.

Егоров, как всегда, мило улыбается сквозь пенсне и жмет мне руку.

"Ну, на тачанке сейчас, тут того".. вдруг говорит мне Науменко - "ведь мы приготовились к драпу. Опять наседает конница красных. Только что была тревога. Одна моя дивизия здесь, а 2-я генерала Фостикова, где-то впереди. Если он не отобьет, то мы сейчас-же сматываемся отсюда. И Вам советую сесть в седло", закончил он. И потом, взяв меня под руку, отводит в сторону и спрашивает:

"Ну что там в тылу? Каково настроение? Что говорят? Налажена-ли эвакуация семейств?"

Все эти вопросы были для меня неожиданны и неведомы, почему я ответил, - "ничего не знаю... я прибыл воевать; а в тылу все спокойно".

Тут-же от генерала Фостикова получено было донесение "с мельницы", что красные отбиты, все спокойно, можно возвращаться на квартиры.

Науменко сразу-же прояснил. "Ну, пойдете ко мне. Поговорим еще там и напьемся чаю".

Мы в его штаб-квартире, в очень большом и богатом доме какого то местного богача.

Генерал Науменко уже рад и весел, что "красные отбиты", стал мил и разговорчив.

"Чаю полковнику!" - кричит он деньщикам и, вновь ко мне с вопросами об эвакуации, что меня удивило. Я был молод, холост, верил, что это наш временный военный успех и, конечно, ни о какой эвакуации и не думал. Он был откровенен и о неустойчивом настроении некоторых полков и подкупал меня своею искренностью.

Я почувствовал, что прибыл в родную семью и был очень обласкан самим генералом Науменко.

"У нас вакантный 1-й Лабинский полк", говорит он, "но я это передам уже исключительно на усмотрение начальника дивизии генерала Фостикова.

- с наблюдательного пункта -

Скоро прибывает "с мельницы" и генерал Фостиков. Я его не видел со Ставрополя, ровно 15 месяцев. Он нисколько не переменялся видом, разве вот - стал более уверен в своем положении заслуженного в боях "старого генерала". В Ставрополе же, у Шкуро после прихода из гор, он был Войсковым Старшиной и командиром 1-го Кубанского полка. Знаком же я был с ним в начале 1915 года, в Турции, в Алашкертской долине. Он тогда был сотником и адъютаном 1-го Лабинского полка у полковника Рафаловича. Я же был хорунжим 1-го Кавказского полка. Наши полки стояли одно время в очень маленьком курдинском селе Челканы. Коля сотник Бабиев был командиром сотни. Тогда, там - мы очень подружились с Лабинцами. И вот теперь - новая встреча. И приятная встреча.

Науменко "представил" меня ему, а он, узнав - добротнo, чисто по-братски, пожал мне руку.

Его лицо очень обветрено, мужественно-молодецкое, без всякой натяжки на генеральскую важность и малодоступность. Ему было тогда 33 года от рождения, только на шесть лет старше меня и на три-четыре года моложе генерала Науменко. Мы были одной эпохи по выпуску из военных училищ, хотя и разных, следовательно, психологически, мы были однородны в понятии воинской этики, службы и субординации.

"Только им мы и держимся", спокойно и откровенно говорит мне Науменко, глазами указывая на Фостикова - "все-же остальные в панике", добавляет он. Все это у Науменко получается так просто и безхитростно, что мы все трое весело улыбаемся.

Среди офицеров, в особенности кадровых, такие слова как "драп, паника, шляпа" - не считались оскорбительными и обидными и они, в своей краткости - точно выражали, и настроение, и события и характеристику личности, к которому это относилось. Не в осуждение, а больше в похвалу, скажу, что на подобные слова и фразы, особенно щедр был Бабиев, будучи и молодым офицером, и штаб-офицером и будучи уже и генералом. Они, эти слова, точно попадали "в глаз" сплеховавшему в бою офицеру и заставляли его бояться больше Бабиева, чем противника.

Генералы между собою на "ты". Все это было только приятно; и я почувствовал, что попал не в официальный круг "штабов", а словно в семейный.

"Ну, Вячеслав Григорьевич - я поеду к себе в штаб... надо пообедать" -

говорит Фостиков.

"Поезжай, поезжай, Михаил Архипович... и захвати с собой полковника. Там у тебя вакантный 1-й Лабинский полк. Ему надо дать полк" - как бы между прочим добавил Науменко.

"Ну, едемте со мною", говорит мне Фостиков. Мы прощаемся с Науменко и Егоровым, выходим из дому, садимся на лошадей и двинулись по селу к югу.

Мы идем наметом /галопом, по кавалерийски/. Фостиков сидит в седле просто, безо всякаго напряжения и щегольства, уверенно, по привычке. Под ним добрый конь рыжей масти, довольно высокий против кабадинских коней.

Бросив несколько взглядов на мою кобылицу, которая, промерзши, "просит повода" - он спрашивает - "где я ее купил?" Этот, казалось, праздный его вопрос, показал мне, что он понимает в лошадях и любит верховую лошадь.

За нами скачут его ординарцы с флагом его дивизии, на котором красуется "белый конский хвост", как у нас было в Корниловском полку на Маньче. Явно было, что перенил это он у нас, Корниловцев, заменив наш черный хвост на полковом флаге и сотенных значках - на белый.

Белый хвост на флаге очень красиво отдает своей белизной на ярком зимнем солнце. Он заметил, что я обратил внимание на его оригинальный флаг и говорит мне, не укорачивая быстрога аллюра наших лошадей:

"Казакки говорят, что я ввел хвосты на значках потому, что моя фамилия Х в о с т и к о в, но это не так. Я видел при наступлении на Царицын, в прошлом году, конские черные хвосты на значках в Корниловском полку; мне это понравилось и я ввел их у себя, но белые", закончил он.

Идя все тем-же аллюром и перебрасываясь отдельными фразами - я впервые ощущаю мышления Фостикова и он мне очень понравился. В нем виден настоящий "мужчина" - умный и безхитростный, а главное - безо всякой генеральской фанаберии.

Правее его скачет его начальник штаба дивизии, очень пожилой "солдатский генерал", как говорят казакки, на небольшой лошади и на кавалерийском седле. Одет он во все английское обмундирование. Во всю дорогу он молчал.

Мы в его штаб-квартире. Вестовые подхватили наших лошадей. Войдя в дом - Фостиков моментально сбросил с себя шубу, потом черкеску и остался в одном черном длинном бешмете.

Меня подкупила ненапрянутая простота генерала Фостикова. Он, чисто по-казачьи, как хозяин дома, первым сел за стол, жестом показав мне место против него и предложил "снять черкеску", если она стесняет меня за обедом. Но нас, Бабиевцев, она никогда "не стесняла", а только украшала.

Сел и начальник штаба, очень милый и, слегка, тонный генерал-лейтенант. Он обращается к Фостикову по имени и отчеству, а Фостиков его титулует "Ваше Превосходительство". Как его фамилия - я еще не знал.

"Ну, давайте нам што там у Вас есть?" крикнул Фостиков деньщикам на кухню. Нам подали борщ, мясо и что-то соленое. Все было просто, наваристо и вкусно.

С нами за столом сидит какая-то фигура в штатском, но в сапогах, с подстриженной бородкой; а лицо наше, кубанское.

Мы аппетитно едим. Нашлась и рюмка водки. Наливает и говорит сам Фостиков, генерал-майор, что является чисто по-казачьи. Он, ведь, хозяин стола!

Деньщики что то заругались на кухне. Один из них напал на другого за то, что тот - "деньщик тавричанина, не офицера, чорти зачем притулившись до нашего штабу". Это было так громко сказано на кухне и так было ясно услышано нами, что "тавричанин" смутился. Фостиков улыбается, посмотрел на тавричанина, потом на меня и, по семейному, не зло - выкрикнул на кухню:

"Ну, Вы там?... замолчите?... а то я Вас"... и недоговорил - что именно заключалось в словах - "а то я Вас", но мы все поняли и улыбнулись.

Казачи сразу-же притихли, но шопотом, все-же, продолжали спорить. Потом, уж в полку, мне сказали, что это был родственник супруги Фостикова. Мы пообедали.

"Ну, а теперь, полковник, езжайте и примите 1-й Лабинский полк. Вам подсчитали. Он самый лучший, самый стойкий и самый многочисленный во всем корпусе. В нем свыше 550 пашек, не считая пулеметной команды полного состава. И хорошие офицеры, как и в достаточном количестве."

"Ваше Превосходительство", обращается он к начальнику штаба, "напишите полковнику предписание о вступлении в командование 1-м Лабинским полком!"

В 1-м ЛАБИНСКОМ ПОЛКУ.

Получив предписание - следую в его расквартирование. На душе не спокойно. Я иду в незнакомую мне семью офицеров полка. Как они примут меня? Временный их командир, полковник А. П. Булавинов, летами и по выпуску из военного училища, старше меня лет на пять.

"Он ничего, но - "шляповатый"... и многоразговорчивый. И командовать полком не умеет" - аттестовал его мне генерал Науменко. Таково же о нем мнения и Фостиков. Оба просили меня - "сразу-же поставить его на место" /?/?/....

Хорошо это сказать, но вот это сделать, новичку, не знакомому с офицерами полка и младшему его в чине - это не совсем удобно и... легко.

Командирский опыт у меня большой, но все-же... И с этими мыслями я вехал в очень широкий двор крестьянина-земледела.

Двор большой, много сараев и др. хозяйственных построек, но сам дом хозяина стоит во дворе и представляет "одну хату" под крышей, с продолжением конюшни, сараев и пр.

Переступив порог у самой земли и открыв следующую дверь - я увидел трех офицеров за столом и произнес:

"Можно-ли войти?"

"Заходи!" - не поворачиваясь ко мне, произносит кто-то. Я захожу и, сразу-же, определяю - кто командир полка?

Полковник Булавинов сидит за столом лицом к двери. Он в крытой шубе-черкеске, при полном вооружении. Видно, что полк находится "на-чеку". Рядом с ним сидят два обер-офицера. Все в серебряных погонах. Они что-то разматывали на столе; возможно карту местности.

Булавинову лет 35. У него тонкие черты лица блондина. Он, видимо, не брил боррду несколько дней, да и не интересуется этим, т.к. обстановка боевая была не для щегольства молодостью.

Как ему сказать - "кто я"? - думаю. Нельзя же войти и сказать: - "Я есть воновь назначенный командир 1-го Лабинского полка. Прошу сдать мне полк"... Если бы он был моложе меня, еще допусима такое обращение, но вижу, он действительно старше чем я.

Я в черной черкеске, так-же как и они, в серебряных погонах. Кинжал и пашка в скромной серебряной оправе "под чернью". Неторопясь подхожу к ним, беру руку под-козырек и произношу:

"Командир 1-го Лабинского полка, полковник Елисеев - представляюсь"... При моих словах - все встали и так-же взяли руки под-козырек. Здравуюсь за руку. Булавинов очень вежливо произносит - "очень рад" и просит садиться за стол, как гостю, как будущему однополчанину.

Я вижу, что он меня не понял. Его жесты и слова были как обращение к младшему. Я немедленно же "поправляюсь" и спокойно поясняю:

"Я назначен командиром 1-го Лабинского полка, почему и прибыл сюда".

"Ах, извините!... я не понял", совершенно не растерянно и безо всякой обиды говорит он, берет под-козырек и представляется так:

"Временно командующий 1-м Лабинским полком, полковник Булавинов". Он, тут-же, уступает мне свое командирское место за столом и спрашивает: - "Что прикажете, господин полковник, для приема полка?"

"Пошлите за всеми офицерами полка... я хочу познакомиться с ними в комнате. Где канцелярия, обоз и хозяйственная часть полка?" - добавляю.

И, как всегда и во всех полках - все это оказалось в тылу, а где - он и сам не знает.

За офицерами послано. Вдруг входит очень красивый и бравый есаул, брюнет, хорошо сложенный и хорошо сшитый. Он рапортует Булавинову: -

"Господин полковник, с 4-ю сотней, из сторожевого охранения прибыл". Булавинов, приняв рапорт, говорит ему: - "Рапортуйте теперь новому нашему командиру полка, полковнику Елисееву" и жестом показал на меня. Есаул, от неожиданности, повернулся ко мне, легкая приятная улыбка озарила его смуглое лицо и он, взяв под-козырек, повторил: -

"Господин полковник, Есаул Сахно, с 4-й сотней, из сторожевого охранения прибыл".

Я жму ему руку и, что то знакомое мною замечено в его лица, главное - в его улыбающихся черных ясных глазах.

"Вы меня не узнаете, господин полковник?" - спрашивает он, при этом мягко улыбаясь.

"Право, не знаю... что-то знакомое, но... не помню", отвечаю ему.

"Да я тот казак Сахно, учитель, что прибыл на пополнение в Турцию в наш 1-й Кавказский полк. А потом, при Вас, когда Вы были полковым адъютантом - был командирован в Теливскую школу прапорщиков... и ее окончил вместе с Вашим братом, Андрей Ивановичем... и потом с ним вышли офицерами в 3-й Кавказский полк. Мы с ним были большими друзьями. А сам я казак станицы Тихорецкой" - пространно пояснил он.

Я "все вспомнил". Да, это он, Сахно. Но какой он стал мужественный видом! И красивый, и уверенный в своем офицерском положении и уже есаул!

Я вторично жму ему руку, как приветствие от своего старшано брата, его друга и однополчанина в былом и... официальность моего появления среди неведомого мне 1-го Лабинского полка - тут-же рассеялась.

Сахно отлично знает все наше семейство, не раз бывал в нашем доме. Как все это было приятно, и во время, к моменту, знать! Я повеселел.

ОФИЦЕРСКИЙ СОСТАВ 1-го ЛАБИНСКОГО ПОЛКА.

Офицеры прибыли. Все испытывающе смотрят на нового, и неведомого им, командира полка.

Все они молоды. Воински подтянуты. Из них - три есаула, а остальные сотники и хорунжие. Почти все коренные Лабинцы. Большинство стали офицерами из урядников. У всех заметен тот "гиновый" вид специально Лабинский, который внедрились в них их офицеры мирного и военного времени. Все они, своею воинской подтянутостью, напомнили мне храбрых офицеров Корниловского конного полка. Среди них не было ни одного офицера "не казака". Все они были исключительно "линейцы", почему мне было очень легко взять соответствующий тон с ними. Вот их состав к этому дню:

1. Полковник Елисеев - командир полка, казак станицы Кавказской,
2. Полковник Булавинов - помощник по строевой части,
3. Войсковой Старшина Баранов Лука - помощник по хозяйственной части,
4. Есаул Бобряшев Минай - командир 1-й сотни, казак ст. Владимирской,
5. Сотник Луценко - командир 2-й сотни, казак станицы Попутной,

6. Сотник Ковалев - командир 3-й сотни,
7. Есаул Сахно - командир 4-й сотни, казак станицы Тихорецкой,
8. Командир 5-й сотни /непомню, Ф.Е./ -ской,
9. Командир 6-й сотни - Хорунжий Меремьянин 1-й, казак ст. Константинов²
10. Начальнику пулеметной команды, есаул Сапунов, казак ст. Ново-Александров -ской
11. Сотник Севостьянов Сергей - полковой адъютант, казак ст. Кавказской,
12. Сотник Щепетной Николай - полковой казначей, казак ст. Попутной.

Младшие офицеры:

13. Хорунжий Лаптев, казак станицы Михайловской,
14. Хорунжий Диденко - " -
15. Хорунжий Маховицкий - " -
16. Хорунжий Копанев Михаил, казак ст. Константиновской,
17. Хорунжий Конорев Иван, казак ст. Урупской,
18. Хорунжий Шопин,
19. Хорунжий Меремьянин №2-й, пулеметчик, казак ст. Константиновской,
20. Сотник Гончаров, из учителей, начальник обоза 1-го разряда, наш старший Кавказец по войне с 1915 года. Сам коренной Лабинец.

Некоторых младших офицеров не помню. Для полка времен гражданской войны - этот численный состав офицеров полка, надо считать, очень большим

Сдача и прием полка был краток. Приказом по полку я уведомил о своем вступлении, а полковника Булавинова назначил своим помощником. Последний совершенно "не закусился", /таков и еще есть военный термин, Ф.Е./ а скорее обрадовался, что вот, мол - "гора свалилась с плеч". Он оказался отличным и опытным офицером, совершенно интеллигентным и умным, как и авторитетным в полку. Он был правдив и склонен к критике "всего высшего начальства". Много правды было в его словах. И он дальше, глубже, видел будущее, чем офицеры полка, в том числе и автор этих строк. У меня никогда с ним не было недоразумений и взаимоотношения вне службы - были чисто дружеские и доверительные.

ПЕРЕФОРМИРОВАНИЕ 2-го КУБАНСКОГО КОРПУСА.

Что бы не впасть в ошибку - я запросил своих бывших начальников, генералов Науменко и Фостикова - как и где переформировался корпус на Кубани после отхода с Северного Донца и его новый путь на фронт? Расхождение у обоих генералов было, только в мелочах и в датах. Генерал Науменко, как пишет мне в письме от 22 июня сего 1962г. - он вел записки, они сохранились и я приведу поэтому, его выдержки. От себя добавлю: - ввиду образования Кубанской армии - дивизии формировались по своим Отделам. Так - 2-я Кубанская дивизия, по прежнему, выставила 1-й и 2-й Кубанские и 1-й и 2-й Лабинские полки - из Лабинского Отдела.

4-я Кубанская дивизия выставила полки из Кавказского Отдела - 1-й и 2-й Кавказские и 1-й и 2-й Черноморские.

Оба генерала пишут, что 2-я дивизия формировалась в станице Григорьевской, штаб корпуса в Армавире. О 4-й дивизии они не пишут, но надо полагать, что она формировалась в Отдельской Кавказской станице.

Генерал Науменко пишет, что "до 21-го января 1920 года, дивизии оставались на местах формирования и только 21 января перешли - 2-я дивизия в станицу Новопокровскую, а 4-я - в Калниболотскую и числились в резерве главнокомандующего /генерала Деникина, Ф.Е./.

26 января корпус перешел в село Песчаноконское Ставропольской губернии, а 27 января - был смотр корпуса генералом Деникиным".

Генерал Фостиков, в своем письме от 10 июня сего года так пишет о...

смотре генералом Деникиным 27 января 1920 года.

"Стояли сильные морозы. Утром, в день смотра, была гололедица. Конь под генералом Деникиным поскользнулся и главнокомандующий упал на землю и разбился. Его отвезли в поезд, а начальник его штаба, генерал Романовский, закончил напутствие.

Вечером, в вагон Деникина, были приглашены генералы - Науменко, Косинов и я. Он пожелал нам успеха, но его падение, по моему мнению, предвещало падение Добровольческой армии; и настроение, у кого оно было, пало".

О случае с генералом Деникиным, генерал Науменко пишет: - "Он, действительно разбился, но не так серьезно. После смотра, он разговаривал с представителями частей корпуса в зале станции Песчаноконской и напутствовал их добрыми пожеланиями".

О первых боях корпуса, генерал Науменко, в том же письме пишет:

"30-го января, из хутора Жуковсаго, через Сандату, корпус подошел к селу Новогорлыкскому и, после 3-х часового боя с красными, овладел этим селением.

31-го января, после боя с той же конницей, были заняты селения Бараниковское и Новомарьевское".

На этом я закончу движение корпуса "вперед", но через шесть дней, когда я прибыл в его ряды - весь корпус уже отошел в селение Ивановка, откуда и начинается мое описание событий, участником которых был лично.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЛКОМ. НАЧАЛЬНИКИ.

На утро 7-го февраля корпус покидает село Ивановку. Полки выстроились за селом. Я впервые под, ездаю к своему 1-му Лабинскому полку. И каково же было мое удивление, когда я увидел перед собой многолюдный полк, выстроенный в резервную колонну, с полковым Знаменем и с хором трубачей на правом фланге, встретившим меня "встречным полковым маршем", как и полагалось всегда в мирное время.

Знаком руки останавливаю оркестр и здороваюсь с каждой сотней отдельно. По опыту - я хорошо знал, как казаки любят "разсмотреть и оценить" каждого нового своего начальника.

Поздоровавшись - об, ехал все сотни по-рядам. Вид казаков был отличный и совершенно не уставший. Казаки были хорошо и тепло одеты и не обременены вьюком. Лошди были свежие и в хороших телах. В общем - полк был в отличном состоянии и очень порадовал мою душу. В строю было 550 пашек и 8 пулеметов системы "Максима", на санях. После осмотра, командовал "вольно", т.к. полки ждали своего начальника дивизии.

Я стою в седле впереди своего полка и изучаю другие полки. Вдруг вижу впереди 4-й Кубанской дивизии нашего бывшего командира 1-го Кавказского полка после революции 1917 года, когда полк был переброшен в Финляндию, - генерала Гергий Яковлевича Косинова. Он казак станицы Ладужской. Мы тогда искренне его полюбили. Я тогда был командиром сотни, под, есаулом.

От радости такой встречи, нарушая воинскую дисциплину, рысью подхожу к нему, беру руку под козырек и почтительно произношу:

"Здравия желаю Ваше Превосходительство".

Он тепло одет и глубоко закутан башлыком. Под ним все та-же его рослая темно-рыжая кобылица, на которой он командовал нашим полком и на которой совершил 1-й Кубанский поход.

Я под, ехал к нему облически сзади. Не видя меня - он, словно, был недоволен тем, что кто-то потревожил его, когда он, в одиночестве, думал о чем-то. Вторично повернувшись ко мне и, вдруг, у него прорвалось:

"Федор Иванович!.. дорогой!.. откуда Вы взялись здесь?"

"Вчера прибыл в корпус и вчера-же принял 1-й Лабинский полк", улыбаясь, говорю ему по-свойски.

"Очень рад, очень рад!.. дайте Вашу руку?.. командуйте на-славу, а я... я совсем пал духом", вдруг говорит он. "Не удержимся мы... и что будет дальше - сам не знаю", продолжил он.

Мне было очень жаль этого, безусловно, храброго и очень большого, и с широкой душой, Кубанского казака, который, видимо, видел гораздо глубже и дальше нас, и меня в частности, о грядущих событиях.

Вдали показался наш начальник дивизии генерал Фостиков и я быстро вернулся в полк.

Фостиков ехал без башлыка, но в овчинной шубе. Его свободная манера здороваться с полками, показали мне, что генерал хорошо знает свои полки, уверен в них, уверен и в себе, и знает, что полки верят ему, ценят и любят его.

За официальными приветствиями - Фостиков "отзускал" и полкам, и сотням и некоторым офицерам "вольные фразы", направленные исключительно к тому, что-бы подтянуть, подбодрить людей. Казаки любовно смотрели на своего "генерала Х в о с т и к а", как они называли его и, видимо, совершенно не боялись его, а только любили и готовы были слушаться его безпрекословно. С ними, ведь, он провел всю гражданскую войну и много раз раненый.

Весь его внешний вид хотя и "не кричал" по-Ефимьевски, но был очень прочен и выглядел только положительно, с черточкой народного вождя-генерала, мало заботящегося о себе и о своей внешности.

Казалось, ему важнее было то, что бы: - хорошо и тепло быть одетым, имеет под сбрюю добрую сытую лошадь, а у себя лично - светлую голову. А остальное все - само приложится.

С этими необходимостями он и под, ехал к своим полкам дивизии, что бы внушить им свою волю и вести их в бой.

"За время, когда генерал Фостиков командовал дивизией, я о нем плохого ничего сказать не могу. Он был храбрым и всегда бодрым. Этот дух бодрости передавал казакам, что у генерала Косинова было "наоборот - он поддался духу уныния" - пишет мне об этом генерал Науменко в письме от 22 июня сего 1962г.

О Д Н А В С Т Р Е Ч А . . .

Корпус выступил в с. Красная Поляна. 1-й Лабинский полк шел правой, северной колонной. В снежной степи, на жел-дор. полотне в сторону Песчанокоской, стоял какой-то штабной поезд. На площадке одного пассажирского вагона - высокий стройный ротмистр в гимнастерке с подвернутым воротником умывался теплой водой, которую лил ему на руки деньщик-казак. На мой вопрос, ротмистр ответил, что это есть поезд командира 1-го Кубанского корпуса генерала Крыжановского. Я удивился, что в такое тревожное время нашего общего отступления, они живут, как-бы, и безмятежно и по-барски. С этим чувством я и оставил поезд Крыжановского позади себя, долею критики. И моему удивлению и сожалению не было конца, когда мы узнали, что на 2-й или 3-й день, весь этот состав поезда штаба 1-го Кубанского корпуса, во главе с генералом Крыжановским, был отрезан красной конницей Буденного и все чины его погибли в неравном бою, вместе со своим генералом. Жуткая история, как и героическая, которая никогда не была освещена в нашей печати и о которой мы узнали потом из красных источников.

ПОЛКОВОЙ ВРАЧ.

Корпус два дня стоит в Красной Поляне. Из Екатеринодара прибыл в наш полк сотник Веприцкий, переведенный из гвардейского дивизиона. Он был сын подесаула Веприцкого, старшего адъютанта Кавказского Отдела, который жил на квартире рядом с нашим домом, в бытность мою юнкером. Сотник - бывший кадет, хорошо воспитанный, отчетливый. Как знакомого кадета в те годы - начал его в р. полковым адъютантом, т.к. действительный адъютант, сотник Севостьянов - болен и эвакуирован. Погибнет в бою этот сотник Веприцкий, о чем будет сказано своевременно.

Верхом проезжая по селу - вижу в одном дворе полковую санитарную лещуку. Какой-то мужчина лет свыше 50-ти, в штатском черном тяжелом пальто и неуклюже закутанный в башлык - чисто по-штатски козыряет мне, при этом низко кланяясь. В нем я узнал своего полкового врача, которого видел впервые сутки тому назад.

"Почему Вы так одеты?" - по-сыновьи спрашиваю его.

"Да я, ведь, не военный врач... и под Купянском перебежал к белым... прямо в 1-й Лабинский полк... ну, в нем и остался служить, как убежденный политический противник большевиков", говорит он мне просто, умно, хорошо и чисто по-штатски.

"А что одет не по-форме, то - где-же взять?... да это и не так важно! И я с удовольствием служу среди казаков, которых так полюбил", продолжает он.

"Так чего-же Вы одеты по-походному? Выступаем-же мы только завтра!"

"А-а... господин полковник! Это не лишнее. Надо всегда быть на-чеку. А красным попасться я не хочу", добавляет он.

Заинтересованный этим оригинальным и, видимо, очень умным человеком - я прошу зайти его ко мне на чай. И он пришел.

Оказывается, что он не только что врач, но и политический деятель. "Левее кадет", как он сказал о себе. И вот - не выдержал "совето-державия" и сознательно бежал от них, что бы бороться против них.

"Если бы Вы знали, г-н полковник, как крестьяне, да и рабочие, ненавидят красных! Казалось-бы, еще раз толкни, и власть падет. И вот, не знаю - почему мы отступаем? Мне-то, как врачу и человеку штатскому - у крестьян секрета не было. Но я верю, что наше отступление только временное", закончил он.

ПОЛКОВОЙ КАЗНАЧЕЙ.

С полковником Булавиновым мы остановились в одной комнате, и сразу-же подружились... Мы говорим между собой, словно, старые знакомые и говорим откровенно, как это бывает среди кадровых офицеров, пройденных одну школу-муштру. Говорим искренне, безхитростно.

Неожиданно в полк прибыл полковой казначей сотник Николай Щепетной - с авансом и жалованьем для всех чинов полка. Это было больше чем неожиданно. Щепетной так отчетливо отрапортовал мне о своем прибытии и был так легко и подтянуто одет, что я выразил ему свое удивление - как это он, такой молодецкий офицер, а занимает столь не почетный пост, которым является полковой казначей.

"Я готов всегда в строй, г-н полковник", отвечает он.

"Хорошо. Раздайте жалованье и оставайтесь в полку. И я, при первом же случае - казначеем назначу чиновника", ответил ему.

Щепетной был очень шупленький и казался молодым. Учился в духовной семинарии, отлично пел в хоре и мы с ним подружились на-долго. Удивило меня то что он, так молод и был женат. Дальнейшая судьба его оч. интересна. Она будет описана.

Н Е П Р И Я Т Н Ы Й   О Т Х О Д . . .

9-го февраля, с утра, от полка приказано было послать офицерский разезд силою в один взвод казаков в направлении на сев-запад, для связи с частями 1-го Кубанского корпуса генерала Крыжановского.

Назначен был хорунжий Михаил Копанев, казак ст. Константиновской.

Разезд выступил, как часа через два, была поднята тревога, что красная конница наступает на наше село. Приказано покинуть его.

Крупной рысью полки шли по главной улице на запад. 1-й Лабинский полк в хвосте всего корпуса. От генерала Фостикова получено приказание - в конце села, выдвинуться прямо на север и обезпечить отход его дивизии.

Наша улица заканчивается площадью, которая замыкается с запада рядом крестьянских дворов. К югу, деревянный мостик через замерзшую речку, а к северу - снежной перекат, из-за которого ничего не видно - что там на севере?

Полк во взводной колонне идет широкой рысью. Из дворов спешно выскакивают запоздавшие казаки и присоединяются к общей колонне. На мостике закупорка хвоста колонны дивизии - конные казаки, артиллерия, обозные сани.

Не уменьшая аллюра лошадей - повернул полк прямо на север и, что бы быстрее ориентироваться в обстановке - карьером выскочил на гребень перевальчика и - что я увидел?!:..

Густая масса красной конницы, во много превышающей численность нашего полка, в резервной колонне, широким наметом, с севера, шла на село в каких-ни будь 500 шагах от перевальчика. С пашками "на-голо" и с победными дикими криками они неслись вперед, готовые сокрушить все на своем пути. Вижу, что наша контр-атака будет "смята" и их численностью и уверенностью в победе - я сорвался с переката вниз и бросил полк к мостику, который уже освободился от хвостов дивизии, но где еще находился генерал Фостиков.

Скача с последней сотней своего полка - около моста вижу брошенные сани и некоторые наши орудия, перевернутые на неровностях. Было страшно, что красные врубятся в остатки наших рядов и печальным концом для нас...

Почему - неизвестно - но красные заняв тот перевальчик - открыли по казакам только ружейный огонь. Кажется здесь был ранен ружейной пулей генерал Фостиков.

Отходя с полком в юго-западном направлении от села, на перекате вижу генерала Науменко и являюсь к нему за распоряжениями. Он спокоен, но в недоумении - как все это случилось? - спрашивает меня, командира арьергарда полка, но я и сам не знал - как это случилось?

Спешенными сотнями приказал занять все здесь наши бугорки и к вечеру отойти в село Кулишевку, где будет сосредоточен весь корпус - Науменко покинул наши новые позиции. К удивлению, красная конница заняв село - не стала преследовать нас. Этот бой произошел у села Жуновское.

Поздно ночью, 1-й Лабинский полк вошел в с. Кулишевку и присоединился к корпусу. Иду с докладом к начальнику дивизии, я генералу Фостикову, не зная еще, что он ранен. Генерал лежал посредине хаты, на полу, на сене, покрытой буркой. Картина была достойная художника, по своей фронтальной образности после боя. С ним был и начальник штаба дивизии, генерал-лейтенант, писавший какие-то распоряжения дивизии. Здесь же находился и командир 1-го Кубанского полка, молодой полковник, А.И. Кравченко, казак станицы Гиагинской Майкопского Отдела. Он назначался вр. начальником 2-й Кубанской дивизии.

Кравченко - выпуска 1911-го года из Оренбургского казачьего военного училища, вместе с Атаманом Семеновым и полковником В.Д. Гамалий.

Генерал Фостиков был эвакуирован на Кубань на следующий день. В тот-же день, весь корпус выступил в станицу Успенскую, в первую станицу на Кубани от Ставропольской губернии.

ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ ГЕН. КРЫЖАНОВСКОГО СО ШТАБОМ.

Чтобы читателю было понятно о причинах отхода нашего корпуса - приведу раз,яснения в послевоенной печати о событиях того дня:

"8-го февраля 1920г.поездной состав 1-го Кубанского корпуса,стоял на станции Белая Глина.Тут-же были и два бронепоезда.

По получении донесений о нахождении в тылу красной конницы - штаб корпуса и бронепоезда двинулись на Тихорецкую,но путь уже был перехвачен красными и,у взорванного моста,поезда застряли.Скоро на них вышла конница Буденного - 4-я и 6-я кавалерийския дивизии.Сгоряча,командир 2-й бригады 4-й дивизии Мироненко повел части своей бригады и 35-й полк 6-й дивизии в конную атаку на бронепоезда.Атака была отбита командами бронепоездов и присоединившимися к ним офицерами штаба корпуса.Мироненко и командир 35-го полка были убиты.Красная конница отхлынула.Тогда,по приказанию прибывшаго к месту боя Буденного,были вызваны на открытую позицию конная батарея,начавшая бить прямою наводкою по белым.

Держаться далее в бронепоездных составах было нельзя.Вооружившись винтовками,штаб корпуса и команди бронепоездов,с генералом Крыжановским и инспектором артиллерии корпуса генералом Стопчинским во главе - стали отходить от железной дороги.Сразу-же они оказались окруженными красной конницей.Несмотря на совершенно безвыходное положение - белые не сдавались и пытались пробиться в степь.Конная атака красных встречались и отбивались выдержанным залповым огнем. Попытка захватить штаб корпуса живьем не удалась - мы теряли убитых и раненых.Тогда,вылетевшие вперед пулеметныя тачанки открыли огонь по группе белых,а минуты через две,эскадроны 2-й бригады с товарищем Городовиковым /Донской обл.нальмнх-урядник,Ф.Е./ пошли в атаку.Штаб корпуса с командами броневиков были целиком зарублены на месте.В этом бою был убит командир корпуса генерал Крыжановский,начальник артиллерии,а с ними до 70-ти офицеров"/Справка: "Кавказский Казак" №144,1938г.Белград и "Трагедия Кавачества", том 4,стр.226 и 227/.

Все это взято из книги красного командира 20-й стрелковой дивизии Майстраха,участника этих боев.

Окрыленная успехом - эта конница красных победно обрушилась потом и на 2-й Кубанский конный корпус. Все эти события произошли 9-го февраля.

А что-же пластуны Крыжановскаго?? . Где они были?Напишем и о них:

"В это время,две стрелковныя дивизии красных - 50-я и 20-я - атаковали Кубанских пластунов в Песчанокоспской - "встретил стойкое сопротивление белой пехоты" - пишет тот-же Майстрах.И продолжает он: - "В 3 ч. дня,после короткаго боя,противник /пластуны/ все-же не выдержал наступления наших превосходных сил и отступил на Белую Глину".

Сводка Донской армии говорит: - "Большевики не преследовали пластунов, поэтому,казаки могли свободно отходить к Белой Глине.В районе х.Христенко,в 4-х верстах восточнее Белой Глины,около 5-ти часов вечера, 2-я и 3-я Кубанския бригады пластунов были атакованы бригадами красной конницы Буденного,после разгрома штаба корпуса генерала Крыжановскаго, уже занявшими Белую Глину".

Та-же Донская сводка за 12-я февралн продолжает: - "2-я и 3-я Кубанския пластунския бригады,9-го февраля,после неудачной попытки пробиться от Песчанокоспской на Белую Глину - отошли на село Ново-Покровское Ставропольской губернии и станицу Успенскую,откуда большинство пластунов разошлось по станицам.Оставшиеся,с 6-ю орудиями,сосредоточились в районе станицы Кавказской,где приводятся в порядок. Все имущество 1-го Кубанскаго корпуса попало в руки красным" /"Кавачья Трагедия", том 4-й,стр.227/.

/Обо всем этом,автор этих строк,тогда,еще ничего не знал,Ф.Е./.

НА РУБЕЖЕ КУБАНСКОЙ ВОЙСКОВОЙ ЗЕМЛИ...

Меня волновал вопрос: - офицерский раз,езд в 30 коней во главе с хорунжим Копаневым, высланный вчера, 9-го февраля, с утра на северо-запад для связи с частями 1-го Кубанского корпуса - не вернулся ни вчера, ни ночью, ни сегодня утром. И т.к. мы очень быстро отошли на юго-запад - раз,езд мог быть отрезан от нас, перебит, или захвачен в плен. Было о чем волноваться!..

10-го февраля, утром, весь корпус выступил из с. Кулишевки в первую Кубанскую станицу от Ставропольской губернии - в Успенскую. На перекате двух балок, "межа", может быть, в аршин шириною, поросшая бурьяном и занесенная снегом - явно говорили мне, что это и есть "кровная казачья граница" с крестьянской Ставропольской губернии. А вдали, на белом фоне снега - вырисовывался и контур Успенской с высокой колокольней церковью.

Мы вступали на свою на свою Кубанскую Казачью Землю и... без боя. Я заволновался: - Успенская, Дмитриевская, а за ними - и моя родная Кавказская станица, третья по счету, от этой "Казачьей межи"...

Неужели и в самом деле "конец"? - впервые подумал я. Выскочив в сторону от дороги и указывая рукою на "межу" - выкрикнул:

"Лабинцы!... Смотрите! - это есть уже граница нашего Кубанского Войска!... Запомните это!"

Это могли слышать, может быть, только головные сотни полка. Как они реагировали "на мой крик души" - я не знаю. Но у меня это сорвалось от инстинктивного предчувствия какого-то несчастья, которое может случиться с нами, переходя эту "магическую казачью границу нашего Войска".

В С Т А Н И Ц Е   У С П Е Н С К О Й.

Корпус вошел в станицу Успенскую в первую половину дня. 1-й Лабинский полк разместился в северо-западной окраине ее. Штабу полка отведена была квартира у очень богатого казака, во дворе которого стояли две паровые молотилки хлеба. Двор был широкий, с амбарами и сараями, но "дома", казачьяго дома "под железом" - не было. Вместо него стояла длинная низкая хата с одним черным ходом во двор. Это меня удивило.

Оставив полковника Булавина с ординарцами здесь - как всегда, стал разводить сотни по квартирам.

Разместив сотни - с тяжелым чувством, что мы уже докатились до своих станиц, я в,ехал в этот двор и вошел в хату.

У окна, за пряхой, сидела стройная высокая казачка с мрачным лицом лет под тридцать. Булавинов сидел вдали, у стола, не раздеваясь и, вижу, чем-то недоволен.

По нашему "староверско-кавказскому" обычаю - войдя в хату, я снял папаху, перекрестился на образа и произнес:

"Здравствуй хозяйшва".

"Здрастуйтя"... нехотя ответила она и не меняя своего положения, продолжала пряхть шерсть.

Окинув глазами хату - я ничего не нашел в ней того, что говорило и мило было-бы казачьему глазу, как портреты служилых казаков или лубочные картины на стенах. И, даже, в святом углу была небольшая икона. В хате было не уютно и пустынно.

Булавинов привстал и говорит мне, что "кушать у хозяйке нечего" и приняла нас недружелюбно. Не дали и фуража для лошадей. Это меня задело.

Я молча посмотрел на хозяйку - спрашиваю - "где хозяин"?

"А хтой-ево зная... у дворе иде-та"... отвечает нехотя и чисто кацапски.

Послал ординарца за хозяином. В окно вижу - идет молодой казак лет 30-ти в овчинной шубе и в "котах". Ремнями охвачены его онучи по икрам. Он нахрамывал.

Войдя в хату, снял шапку и молча сел на лавку около жены, у двери. Сел и молчит, словно в хате нет никого и его никто не звал. Я стою у стола и выжидаю. Но он молчит. Тогда начинаю я, но уже "с наплывом в душе"...

"Ты будешь хозяин?"

"Я-а"... отвечает, не сдвинувшись с места.

"Такой молодой и уже хозяин?.. и, даже, две молотилки имеешь", спрашиваю.

"А што-ш!.. отец вмер... старший брат тоже... вот я и остался на готовое", поясняет он с недружелюбием.

"Служил в "Первом полку?" - выматываю его.

"Не-е.. неспособнай я... да эта и ни так важна... лишь бы была хозяйства" - распространяется он.

Я его "уже понял"... И тоном, не довышенным, а тем, когда молчать нельзя, твердо говорю ему:

"Ну, так вот что, хозяин... Между прочим - я казак станицы Кавказской... с Вашими Успенцами провел всю Турецкую войну в нашем 1-м Кавказском полку... Меня они хорошо знают. И тебя я хорошо "познал"... дымарь!... /"дымарь", по станичному - не служилый казак, остался дома, в своей хате, дымить, т.е. наживает хозяйство, когда его сверстники отбывают положенную действительную службу на дальних окраинах России. Кличка "дымарь" - унижительная, Ф.Е./.. И продолжаю:

"Мой помощник сказал мне, что у тебя нет ни сена, ни зерна для наших лошадей... и нечего поесть, даже нам, Кубанским офицерам... Так вот что я тебе говорю: - пойди и сейчас же отпусти казакам сена и зерна для лошадей.. И за все мы, конечно, уплатим. А своей жене-негоднице прикажи сейчас-же приготовить нам что-нибудь поесть. И немедленно-же!", закончил я.

Во время моего этого "монолог" - он сидел молча, как-бы пропуская всю мою горечь мимо ушей. Что-бы он не ослушался, и что бы ему показать насколько я говорю серьезно и насколько я смогу показать свою власть над ним - глядя сурово в его глаза, твердо произнес:

"Да, встать! - когда с тобою говорит командир полка Кубанского Войска! Понял?... И иди, исполняй сейчас-же!" закончил ему.

Он мне на это ничего не ответил. "Приготовь там".. буркнул он жене и вышел во двор отпустить фураж казакам.

Я молча сел на лавку и вспомнил о пройденной "казачьей меже". И мне стало еще больнее на душе.

Свинство, оказывается, есть и среди казаков. И этому куцогузому неслуживому казаку, у которого на стенах в хате нет и одной лубочной картины из военного быта, как принято у казаков украшать стены военными картинками - что ему "белые или красные"? "Маво не тро-жь", вот и все. Он, даже, своим родным казакам, за плату, не хочет отпустить фуража, которого у него так много и не хочет накормит своих-же Кубанских офицеров... Ну, куда-же двигать его душу "для казачьей чести"? иль на других жертвы.

- . -

Прискакал ординарец из штаба дивизии, что весь корпус выступает в станицу Дмитриевскую и полку приказано поторопиться. Это было так неожиданно. Здесь корпус простоял только три часа и... вновь отходит.

Сигнал "тревога" и 1-й Лабинский полк следует на запад по широкой северной улице станицы. Во дворах - полная тишина. Словно попрятался народ.

На одном из перекрестков улиц, стоит группа детей - казачат, 15-20 их.

Все очень тепло одеты. Все они в своих домашних овчинных, в талию, дубленых полушубках, перехваченных, иль полотенцами иль поясами. Все в валенках иль "чириках" с ушками. Все они в своих неизменных казачьих мохнатых папах от своих ягнят, рябаго иль белаго курпея. Станица Успенская богатая. У казаков много скота, овец. Все свое. До железной дороги далеко, почему все делается, шьется, домашним способом.

Все казачата хорошо упитаны. Вид их серьезный, недоумевающий. Они молча смотрят на кучные взводы казаков, которых никогда не видели в таком большом количестве.

Проходя - я посмотрел на них и подумал: - что с ними будет, когдa сюда войдут красные войска?... и потом, может быть, усядутся на многие годы. Кем тогда будут эти, теперь, не испорченные подростки? Будут-ли они помнить свое казачье происхождение? И будут-ли они одеваться по-казачьи вот так, как одеты теперь? И с какими мыслями они будут вспоминать тогда нас - проходящие теперь Кубанские конные полки казаков? И не будет-ли тогда для них, это, как "миф", иль приятный сон?

С этими мыслями я оставил их позади себя, которые продолжали молча стоять и молча, с детским любопытством, смотреть на кучные ряды 1-го Лабинскаго полка, уходящаго из их станицы.

На окраине станицы, какой-то "успенец", у порога дома, седлал своего коня. Жена укладывала ему в переметные походные сумы что-то... Кто-то крикнул ему из ординарцев:

"Скорей выезжай!.. красные уже в станице!" Казак кивнул головой, чем ответил, что понял и, дескать, поспешу.

Я не знаю - когда вновь увидела своего мужа-сокола эта молодая казачка, которая так торопливо помогала мужу собираться "в путь-дороженьку"?

И увидела-ли она его-то потом в своей жизни?... Может-быть он был убит в следующем-же бою?!...

Может-быть он ушел с войсками за-границу?!..

Может-быть он умер от тоски, и горя и труда за-границей?!.. Вот где она, жестокая "быль" казачьей песни -

"Напрасно казачка его, молодая,
И утро и вечер на север глядит....
Все ждет поджидает с далекаго края -
Когда ея милый, казак-душа прилетит...."

Это была последняя картинка в моих глазах, и мысли, когда мы покидали свою родную Отдельскую станицу и "первую станицу" Кубанскаго Войска и отдавали ее, как и всю Кубань потом - в постоянную власть краснаго сатанинскаго правительства.

В С Т А Н И Ц Е Д М И Т Р И Е В С К О Й.

Поздним вечером 10-го февраля - корпус вошел в станицу Дмитриевскую. Утром 11-го февраля приказано двигаться в станицу Кавказскую, в мою родную станицу. Нам это показалось непонятным. Мы оторвались от противника и не знаем - где он. Не знали мы, начальники частей.

1-й Лабинский полк прибыл к штабу дивизии и выстроился на улице, в ожидании распоряжений. Меня вызвали в штаб.

Вхожу и вижу жуткую картину: - Вр. начальник 2-й Кубанской дивизии, мой старый друг, полковник А.И. Кравченко в глубоком разстройстве, даже, со слезами на глазах. Такой-же вид и у нач. штаба дивизии. Два родных брата, сотники, казаки ст. Новотроицкой, служившие при штабе дивизии - один в должности командира коменданской сотни, а другой обер-офицера для поручений/забыл их фамилию/, стояли тут-же в очень сокрушенном виде.

Войдя в штаб и отрапортовав полковнику Кравченко о прибытии с полком - увидав их странный вид - спрашиваю: - "Что случилось, Афанасий Иванович?"

"Да разве ты не знаешь, что вся 2-я дивизия разбежалась ночью?"... От обоих Кубанских полков осталось так мало казаков... ушла домой, даже, наша комендантская сотня.. Спроси вот у сотника, командира этой сотни! Ну, а твой Лабинца, как?... много осталось в полку?" вдруг он заканчивает.

"Да ты што, Афанасий Иванович?... рехнулся, што-ли?" - говорю я резко, совершенно не обращая внимания на старика-генерала, его нач, штаба.

"Я впервые слышу об этом от тебя... 1-й Лабинский полк ничего об этом не знает. Он весь цел. И в строю находятся все 550 пашек и 8 пулеметов. Полюбуйся на него в окно!" - горячо произнес я всю эту тираду слов.

"Та, ну?!... Неужели это правда, Федор Иванович?" - вдруг радостно говорит он. "Значить - не все потеряно?" - спрашивает, мой старый друг Афоня.

Я смотрю на всех присутствующих и вижу, что у всех лица просветлели. Весь штаб быстро выходит из дома, садится на лошадей и мы все вместе выезжаем к 1-му Лабинскому полку. А рядом с ним стоял уже и 2-й Лабинский полк полковника Кротова в 400 пашек, не считая пулеметной команды.

Наш штаб дивизии сразу-же ожил. Действительно - от 1-го и 2-го Кубанских полков остались лишь жалкие остатки.

В эту-же ночь обезсилилась и 4-я Кубанская дивизия генерала Косинова. Большое число казаков 1-го и 2-го Черноморских полков, оставив свои части, ушли на запад, в свои станицы. 1-й и 2-й Кавказские полки, частью разошлись по своим станицам, но большая часть отошла в Кавказскую, как Отдельскую станицу, где, по их мнению, что-то должно случиться... А что именно - они и сами не знали, но знали, что это есть их военно-административный центр всего Кавказского Отдела, где еще находилось Управление Отдела с Атаманом Отдела, которое и даст соответствующее распоряжение.

Это, конечно, не было дезертирство казаков в том понимании, как говорит воинский устав и принципы военной службы. Казаки, просто, устали от долгой войны, начиная с 1914-го года и по сей год включительно. В гражданской же войне, строго говоря, казаки остались одинокими. Крестьянская Россия их, казаков, не поддержала. К тому-же, "конец" чувствовался ими интуитивно. Но сочувствия большевикам, конечно, не чувствовалось между ними. Многие потом вернулись в свои полки, а домой они уехали - "попрощаться с семьями" - житейски резонно оправдывались многие.

Да что казаки!... уехали домой и многие офицеры к своим семьям, как и все остальные "грешные люди". Чувство семьи и судьба своего дома заговорило властно и в сердцах доблестного Кубанского офицерства. В корпусе не было и одного командира бригады. Наш, командир Лабинской бригады полковник Скворцов - так и не появился в ней до самого конца ее существования.

Генерал Г. Я. Косинов, этот, смелый, храбрый и умный Кубанский казак - он тогда-же покинул свою 4-ю Кубанскую дивизию и больше к ней не вернулся. "Сгорело" все Отечество и сил духовных и воинских уже не стало. Вот и все. И если думалось некоторое доблестное Русское и Кубанское офицерство, то казаки, фактически земледельцы, многосемейные семьянины - им, чувство "своего дома" - была главная и непререкаемая цель жизни. Кубань "догорала", и в ее полях - казаки поскакали - хоть еще раз посмотреть на отчий дом и, если уж нельзя спасти его, лучше уж сгореть там, с ним вместе... Такова была психологическая сторона тех жутких дней.

/так

Штабом корпуса издавался бюллетень, который озаглавлен:

ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ
Командира 2-го Кубанского корпуса, населению Лабинскаго и
Кавказскаго Отделов.

Издавался он типографским способом и заканчивался подписью команди-
ра корпуса генералом Науменко и начальником штаба полковником Егоровым.

В "Сообщении №6-й", от 15-го февраля 1920 года, помеченном станицей
Кавказской, о событиях этих дней, пишется обстоятельно, но я помещу только
короткий абзац, касающийся Лабинцев. Вот он:

"С особым удовольствием я довожу до общего сведения, что 1-й Лабинс-
кий полк сохранился в том-же блестящем виде, в котором он предста-
вился на смотре 27-го января сего года.

В то время, когда Черноморцы, Кавказцы и частью Кубанцы расходились
по домам - честные Лабинцы еще тесней сплотились и, в дни всеобщей
разрухи, не только не уменьшились, но увеличились в своем боевом сос-
таве.

Хвала и честь Вам, Лабинския станицы! Низко кланяюсь Вам, старики,
и казачки, воспитавшие храбрых и честных казаков".

По моей просьбе - генерал Науменко прислал мне СООБЩЕНИЯ №№ 6 и 7-й,
что-бы я мог сверить свои данные с теми, что было напечатано в этих доку-
ментах в дни, когда события происходили. Расхождений не нашел. Из них бер-
у лишь те выдержки, которые касаются 1-го Лабинскаго полка, коим я тогда
командовал, т.к. свидетельства моего главного начальника тогда, командира
корпуса генерала Науменко - являются ценными для всех Лабинцев.

В СТАНИЦЕ КАВКАЗСКОЙ. ПОХВАЛЬНЫЕ ДЕЛА.

11-го февраля, весь корпус вошел в станицу Кавказскую. 1-му Лабинскому
полку отведены были две самыя крайния улицы северо-западной окраины ста-
ницы, где я родился, рос и учился до 16-ти лет. Развел сотни по-квартирам
и оставив полковника Булавинова при штабе полка - поскакал в дом своего
отца на Красной улице. О радости семьи - не нужно писать. Кстати - в
дом прибыл и наш старший брат Андрей, есаул 1-го Кавказскаго полка. Мы
прибыли, словно "закончив войну"...

На 2-й же день, генерал Науменко собрал всех офицеров корпуса в ста-
ничном правлении, осветил обстановку и приказал оздоровить полки.

Среди нас офицеры-пластуны. Командиру 10-го пластунскаго батальона,
полковнику Бобряшеву, приказано формировать 2-ю Кубанскую пластунскую
бригаду. Маленькаго роста, буднично одетый - после гибели всего штаба
своего корпуса вместе с генералом Крыжановским - он был мрачен.

В станице еще сохранилось полное Управление Кавказскаго Отдела. Ис-
полняющим должность Атамана Отдела был войсковой старшина Иван Иванович
Забей-Ворота, казак хутора Романовскаго, принадлежащаго Кавказской стани-
це. О нем следует сказать несколько слов.

Сын простого богатаго казака. В 1908-м году окончил Оренбургское /тог-
да/ кюнкерское казачье училище и вышел хорунжим в свой в 1-й Кавказский
полк, в г. Мерв Закаспийской области. Был адъютантом полка. В 1913-м году

по окончании того-же Оренбургского казачьяго училища, но уже военного, молодым хорунжим я застал его на льготе, в чине сотника. Жил он рядом с нами в своем богатом кирпичном доме.

С объявлением войны в 1914-м году - со 2-м Кавказским полком выступил на Западный фронт, но скоро вернулся и, все годы 1-й Великой и гражданской войн - служил при Управлении Кавказского Отдела.

Овдовев - второй раз женился на дочери Атамана Кавказского Отдела, полковника Репникова, казака станицы Расшеватской.

Пишется это для того, что бы читатель знал - насколько Забей-Ворота был в курсе по управлению Отделом и каким доверием он пользовался со стороны Атамана Отдела, теперь его тестя.

В 1919-м году, Атаманом Кавказского Отдела был полковник Бедаков. Он отсутствовал и все функции перешли к Забей-Воротам. Умный и энергичный, отлично знающий быт казаков и очень популярный в своей станице - он активно приступил к мобилизации оставшихся в его управлении станиц Кавказского полкового округа и, в особенности, казаков своей Кавказской станицы.

На 2-й, или 3-й день - образовалось два Партизанских отряда, до 150-ти конных казаков в каждом. Один отряд состоял из казаков Успенской и Темижбекской станиц, под командой есаула Польского, казака станицы Успенской. Он из старых заслуженных урядников. В манере одеваться в черкеску и сидеть в седле - подражал Бабиеву. Среди Темижбекцев три отличных офицера, сотники, два брата Масловы, старший из студентов, а младший из урядников и хорунжий Фидан Толстов, наш старый кавказец, урядник полковой учебной команды 1913-14 годов, сын урядника, штаб-трубача Конвоя Императора Александра 3-яго. Все они участники нашего восстания в марте 1918 года.

Второй Партизанский отряд состоял исключительно из казаков станицы Кавказской. Возглавлял его есаул Миша Жуков, любимец станицы. Окончив гимназию в х. Романовском, потом ускоренные курсы в Оренбургском казачьем училище - войну окончил во 2-м Уманском полку, чином сотника. На станичные митинги в начале 18-го года, когда "шаталась" казачья власть от местных инородников - с отцом появлялись оба с винтовками в руках. Не выдержав - уехал в Ростов, поступил в Добровольческую Армию, с нею прошел Кубань, при штурме Екатеринодара 31 марта - был тяжело ранен в позвоночник и лишился возможности передвигаться. С тяжело ранеными был оставлен в станице Дядьковской. Выжил, но остался калекой. Теперь, в седло его сажают два казака-станичника, для которых он так и остался "Миша Жуков" - умный, веселый, сын простой казачьей семьи. Его мать - казачка станицы Казанской.

Об этих двух отрядах, генерал Науменко похвально отзывается в своих СООБЩЕНИЯХ за №№-ми 6 и 7-й, и поощрял эти образования.

В станице неожиданно появился наш старый кавказец мирного времени, полковник Хоранов, осетин селения Ордонского Терской области, Уджуко Джанхотович, а по-русски - Валентин Захарович, младший брат известного на Терре генерала Хоранова. Я его не видел с 1914-го года, когда он, 39-ти летний под есаулом, младший офицер одной из сотен, по мобилизации, был командирован из Мерва в Отдел и со 2-м Кавказским полком выступил на Западный фронт.

Отличный гимнаст и дамский кавалер. Он тогда был дружен со мной, почему еду к нему и мы обнимаемся. О нем напишется по-событиям.

"Зачем?... как?... почему?... почему Вы здесь?" - закидываю его вопросами.

"Как почему?... я-же старый кавказец!... вот и приехал в свою Окружную станицу" - отвечает он. И добавляет:

"А отчего-же мне не принять Кавказскую бригаду? Казаков я хорошо знаю, да и ох меня давно знают. Высшее начальство разбежалось, ну я и приехал из Екатеринодара, т.к. был свободен".

Не знаю, как это случилось, но генерал Науменко назначил его сразу же начальником 4-й Кубанской дивизии, т.к. генерал Косинов к своим частям уж не вернулся.

У командира 1-го Кавказского полка полковника Товстника, произошли разногласия со своими старшими офицерами: он ушел. Командиром назначен был полковник Н. В. Хоменко, старый кавказец, умный, корректный офицер.

Товстик - был офицер Черноморского полка, с которым я познакомился в майских льготных лагерях на р. Челбасы в 1914-м году. Он был тогда в чине сотника. Малешкаго роста, рыженький, пухленький - среди широкой по разгону молодежи хорунжих и сотников тогда 2-го Черноморского полка - он был скромн и замкнут. Судьба его мне не известна.

КОННАЯ АТАКА 1-го ЛАВИНСКАГО ПОЛКА 16 ФЕВРАЛЯ У ЛОСЕВА.

За пять дней пребывания в Кавказской - 2-й Кубанский корпус был приведен в хорошее состояние. Сильными бригадами оставались Лавинская и Кавказская. Мы были безмятежны, словно стояли на отдыхе в глубоком тылу - как 16-го февраля, далеко до разсвета, по станице, с севера, был открыт редкий орудийный огонь. Это было больше чем неожиданно. По диспозиции - полки выбросились по тревоге на запад от станицы и выстроились в резервную колонну. Скоро прибыл и генерал Науменко. Стояла еще ночь. Боевая обстановка нам, начальникам частей, была неизвестна.

Под, ехав ко мне, Науменко тихо, просто, сказал: - "Полковник Елисеев... Вы местный житель... все дороги Вам известны. Мы должны отступить в Романовский. Со своим полком продвиньтесь в степь и займите местность севернее хутора. И когда займете - донесите мне. Я буду на буграх, восточнее хутора, или в самом хуторе".

Хутор Романовский расположен в глубокой котловине между Кавказской и Казанской станицами. Он не был уж "хуторком" времен Кавказской войны а разросся в город с 40-тысячным населением рабочего класса, являясь важным жел.-дорожным узлом Северного Кавказа, Ростов-Баку, Новороссийск-Ставрополь. Оказалось - он был захвачен красными в эту ночь.

Исполняя приказание - с полком оторвался от корпуса на северо-запад, прорезал глубокую балку у станичного "става", пересек жел.-дор. полотно Ставрополь-Кавказская и параллельно ей, рядом с ней, рысью двинулся к хутору Романовскому, до которого было 7 верст. Местность и дороги здесь, действительно, были мне отлично знакомы с самого детства, почему и вел я полк уверенно. Вперед выслан был лишь офицерский раз, езд.

Полк у будки, что у жел.-дор. моста по шляху Романовский и хутор Лосев. Кстати сказать, оба эти хутора принадлежали станицы Кавказской.

Будочник спокойно доложил мне, что красные войска пришли ночью из Лосева, заняли хутор и станцию, а потом, часа через два времени, вернулись обратно, ведя с собою до сотни пленных; и что они прошли "обратно будку" не больше как час тому назад. Сколько было красных - он не знает, т.к. было темно, но - было много. И - все пехота - закончил он.

Весь рассказ будочника слушали и командиры сотен, которых я вызвал вперед. Налет красных на Романовский, захват его и отход - был для нас всех полной неожиданностью.

Не терял времени - с полком бросаюсь на север, построив его "в линию взводных колонн", т.е. - все сотни во взводной колонне, по фронту на одном

уровне. Между дивизионами - пулеметная команда на линейках, на одном-же уровне с сотнями. Интервалы между сотнями - один взвод. Этот строй был очень удобен для всевозможных конных перестроений, имея полк "в кулаке". Вперед была выдвинута 4-я сотня есаула Сахно.

Уже светало, но спустившийся густой туман был темнее ночи. Местность была покрыта молочною мглой и в 25-ти шагах - ничего не было видно.

Поднимаясь шагом к северным песчаным буграм от хутора, головная сотня Сахно неожиданно была обсыпана жесточайшим пулеметным и ружейным огнем красных на очень близком расстоянии, который достиг и полка. Сотня быстро отскочила назад к полку. По гучности огня в темноте, ясно определилась довольно большая сила красных. Атаковать пехоту красных, поднимаясь к буграм, не имея возможности развить резкого аллюра лошадей - не представлялось возможным.

"Пулеметы - ОГОНЬ!"... выкрикнул и - все 8 пулеметов храброго есаула Сапунова, молниеносно выскочив чуть впереди полка - сноровисто открыли свой полный огонь, взяв цель "на огонек" противника.

Густой пулеметный огонь заклокотал с обеих сторон, а полк, под прикрытием своих пулеметов, подбирая раненых и держась в тумане "чувством стрелы" что бы не разорваться - шагом перевалил на юг жел.-дор. полотно и остановился в ближайшей же ложбине, 6-й сотней хорунжаго Меремьянина перваго, заняв впереди лежащий перевальчик перед полотном. Стошли назад и пулеметы Лабинцев. Огонь утих с обеих сторон. Потери полка только ранеными были незначительны, т.к. стрельба вниз, всегда была ложная.

Неожиданно для себя - к югу от полка, в какой-либо версте, на высоком бугорчатом кургане, на котором при моем детстве еще стояла неуклюжая сторожевая казачья вышка времен Кавказской войны, с которого далеко за Кубань на десятки верст открывалась равнина - обнаружился штаб корпуса. Через глубокую балку скачу туда и докладываю генералу Науменко обстановку. Корпусной командир принимает доклад спокойно. Мы стоим на кургане - "бикете" и ожидаем схода тумана. Ждать пришлось недолго.

Около часу времени спустя, дохнул восточный ветерок и, как рукой, смахнул туман со всех возвышенностей. В утренней мгле, нам представилась неожиданная картина: - красная пехота свернулась в колонну и стала отходить к северу, оставив на буграх только редкие цепи с пулеметами. Расстояние между нами было версты в три, но нас разделяли две глубокие балки, две гряды перекатов между ними и полотно железной дороги. Не теряя времени, генерал Науменко немедленно же бросает 1-й Лабинский полк в преследование.

Широким наметом скачу к полку, сажаю его в седло и строю "в линию взводных колонн - рысью переваливаю первую гряду бугров, потом сваливаюсь в глубокую узкую балку, карабкаюсь на второй бугор, переваливаю жел.-дор. полотно и оставляя шлях Романовский-Лосев западнее себя версты на две - без дорог, по прошлогоднему жнивю, веду полк в догонку красных, следуя в их параллельном движении.

Хорунжий Меремьянин, со своею 6-ю сотней, находившийся левее полка - самостоятельно снялся с позиции и бросился по самому шляху, по пятам красных. А когда полк вышел на последние бугры - вправо от себя, он увидел две роты красных человек до 250-ти, которые, с пулеметами на тачанках, видимо демонстрировали на станицу Кавказскую. Теперь они также отступали к хутору Лосеву. До Лосева было 12 верст.

Не останавливаясь и не замедляя аллюра рысью - на них была брошена правофланговая 1-я сотня умнаго и доблестнаго есаула Миная Бобряшева.

Бобряшев сместа-же перевел сотню в широкий намет и бросился вправо от полка на северо-восток, к этой, неожиданно для отступавшей группе красной пехоты.

-нас-

Оставшиеся со мной четыре сотни, около 400 шашек и 8 пулеметов системы "Максима" на линейках - крупной рысью, молча, "в кулаке" - шли прямо на север, к Лосеву.

Бобряшев, сокрушительным наскоком, пленил полностью эти две роты, которые, в своем походном порядке, не успели открыть огня, но их пулеметы на

тачанках, взяв лошадей "в кнуты" - полным карьером бросились на север. Отдельные казаки сотни Бобряшева - устремились за ними. Издали интересно было наблюдать эту дикую скачку по широкой степи. Казаки настигли и захватили все шесть тачанок с пулеметами, не дав уйти за речку Челбасы и одной души красных.

Полк был уже воодушевлен этим побочным успехом, но тяжелый сап и фыркание лошадей говорили об усталости их и некотором выдыхании. Под ногами мокрый снег и грязь. Порою топкая местность. Крышной рысью, и безостановочно, полк прошел уже десять верст. Но нужно было торопиться, что-бы не допустить красных в Лосев, где их, через единственную узкую низкую и длинную греблю, так хорошо знакомую мне - не д о с т а т ь . . . Хутор Лосев раскинут на северной стороне реки.

Два орудия красных, укрытых где-то за Челбасами к северо-западу - взяв полк "ввилку" издали - тревожил его кроваво. Полк подходил к последним минутам победы, или отхода назад при неудаче. Уж и моя сильная и приткая кобылица требовала понукания каблуками. . . И уж если "сдавала" она - то я боялся за казачьих лошадей, ниже сортом и обремененных вьками.

Полк шел без дозоров. Впереди была равнина с перекатными балками южных плей и каждый казак из строя все видел впереди и по сторонам от себя. Кругом было серое поле прошлогодней жнивы, покрытое легким мокрым снегом. Колорит местности по-зиме - был очень скучный. Но вот полк выдвинулся после последнего переката к хутору, идущаго с запада на восток, с понижением в нашу сторону от шляха и загнутаго чуть к северу, как мы увидели западнее себя длинную черную кишку со многими подводами, спускающейся вниз. То грузно выползла из балки колона пехоты красных. В своем параллельном движении, не видя, мы опередили ее. Она двигалась вперед, на север, чуть юго-западнее полка. До головы колоны было не больше как пол-версты.

От неожиданности такой близкой встречи - полк, как-бы, содрогнулся. Наш успех мог быть только от быстроты действий. Криком команды поворачиваю весь полк "взводами на-лево", чем образуется двух-шереножный развернутый строй всех 4-х сотен при мне, стоявших в затылок одна за другой.

"Шашки к бою-у! . . . 5-я и 4-я сотни в атаку, карьером - МАРШ-МАРШ!" - выкрикнул немедля и сотни, размыкаясь на ходу в одну шеренгу, как стая голодных волков, с леденящим душу казачьим гиком - бросились на красных, загибая свой правый фланг. С 3-ей и 2-й сотней, развернутым строем в одну линию двух-шереножнаго строя - последовал за ними в каких-нибудь 50-ти шагах дистанции.

Красные бросились в рассыпную. Пронеслись с визгом несколько снопов пуль над казаками: свалилось на землю несколько седяков и лошадей. . . еще момент. . . еще один миг - и сотни врезались в пехоту красных. Все, как-то, сразу, жутко, стихло. . . То захлестнулся полк атакой и. . . кончил бой. Красноармейцы побросали винтовки на землю и подняли руки вверх. Десятка три подвод остановились и замерли на месте. Толпы красных солдат уже стонялись казаками в кучу, что бы оттеснить их от брошенных винтовок. И кругом, на разгоряченных взмыленных и фыркающихся от усталости лошадях - разезжали задорные гиковые Лабинцы, присоединяясь к своим сотенным значкам, с белыми конскими хвостами на них, как к показателям "легкой казачьей конницы. Вдали к северо-западу, полным карьером своих лошадей, улепетывали до десятка комиссаров и командиров, бросивших своих солдат в бою. . .

"Спасибо храбрые Лабинцы!" - вдруг слышу я знакомый чей-то голос позади себя и, обернувшись, увидел генерала Науменко, который, с нач. штаба и немногими ординарцами, как оказалось, скакал вслед за полком. Разрозненные после атаки, не видя кто это выкрикнул - казаки ответили: - "Рады стараться!" - а кому - вначале и сами не знали.

Взволнованный и радостный, на разгоряченном коне, Науменко подскака ко мне, благодарит за успех, быстро дает мне большой пропарусиновый конверт с Георгиевскими крестами для роздачи казакам и приказывает немедленно же двигаться вперед и занять хутор Лосев. Нач. штаба полковник Егоров, как всегда, мило улыбается и молчит.

Крупной рысью, под уклон, все шесть сотен полка, с присоединившимися 1-й и 6-й сотнями, вошел в Лосев. Противника там не оказалось. Он был полностью пленен до хутора.

Генерал Науменко, с пленными, направился в станицу Кавказскую. Лабинцы так и не узнали - сколько и каких частей красных они захватили.

1-я сотня есаула Бобряшева захватила 6 пулеметов, а здесь полк взял 12 пулеметов. Все они были на тачанках и с хорошей упряжью. Все они остались при полку и стали в строй своей пулеметной команды. Дерзко-храбрый есаул Сапунов ликовал, имея у себя 26 боевых пулеметов. Ликовал и полк. И было отчего ликовать!

В ХУТОРЕ Л О С Е В Е.

Полк выстроен в резервную колонну на небольшой хуторской площади. Спустился дождь. Под ногами лошадей Кубанская черноземная слякоть. Поблагодарив за победную атаку - приказал тут-же, и самим казакам, по взводам, выделить отличившихся казаков, которым выехать перед строй. Всех Георгиевских крестов оказалось 70, по десять на каждую сотню и десять пулеметной команде.

Казаки перед строем, в мокрых полушубках поверх чернесок. Вид не парадный, но внушительный.

Все кресты без Георгиевских лент, почему, проезжая в седле с правого фланга - вручал каждому казаку в его собственные руки.

Разместив сотни скученно по-квартирам, узнал, что в хуторе лежит больной тифом полковой адъютант сотник Сережа Севостьянов, как оказалось, любимец всех офицеров за свою умность, обходительность и веселость. Со многими офицерами иду к нему. Вошли в уютную небольшую квартиру. Он лежал в постеле. Нас встретила высокая стройная женщина лет под 30, видная собою, смуглая, и с тем приятным выражением лица, которое так свойственно многим казачкам Кубани.

Он сын урядника-старовера Конвоя Императора Александра 3-яго. В 1909-м году, окончив военную службу пластуном на правах вольноопределяющегося 2-го разряда - стал хуторским учителем. Теперь он сотник. Летами старше меня на пять-шесть. Еще в станичном 2-х классном училище он был пример казакomanства. Его я не видел с того 1909 года. Разцеловались. Офицеры на него смотрят влюбленными глазами. Он уж в периоде выздоровления, почему и охотно рассказывает следующее:

"Как только красные заняли хутор - к нему явился политический комиссар, который поведал, что теперь в красной армии порядок; произвола нет; в армии много старых офицеров; красная армия несет мир и тишину; почему просит не волноваться, т.к. с ним никто ничего худого не сделает".

А потом, в этот день, был вновь тот-же комиссар. Он провозил много своих раненых, т.к. "напоролись утром на сильный пулеметный огонь белых", как выразился он.

Провели они и до сотни казаков, захваченных в плен на вокзале, в вагонах.

Комиссар настаивал ехать с ним и, даже, хотел силой увезти с собою, т.к. нельзя было оставлять офицера в хуторе, который, конечно, расскажет все своим казакам.

Севостьянов сильно перепугался; плачь жены, а хуторския казачки, узнав об этом - окружили комиссара и заявили ему, что они "не отдадут своего

учителя!" - спасли его.

"А, в общем братцы, - если Вы отступите - я, тоже, сегодня-же уеду с Вами к тестю, в станицу Казанскую", закончил он.

Так оно и случилось: - прибыл полковой ординарец из штаба корпуса, с распоряжением от генерала Науменко: - "С сумерками, незаметно покинуть Лосев и вернуться в станицу Кавказскую". С полком ушел и Сестовьянов со своей супругой.

В полночь полк подошел к станице. Идем без дозоров, т.к. они не нужны. У жел.-дор. моста, вдруг слышу окрик:

"Стой!... кто идет?"

"1-й Лабинский полк" - отвечаю с седла, вступив уже на мост. Из канавы у моста, где проложена цементовая широкая труба для стока дождевой воды, вдруг высочили несколько фигур в больших папахах, в шубах, с винтовками в руках и быстро обступив мою кобылицу - заговорили:

"Федор Ванч!.. Господин полковник!... Федюшка - спаситель станицы!... Мы внесем Вам завтра станичный приговор!.. Ты-же спас сиводня нашу родную станицу!" - слышу сразу несколько голосов и, среди толпы старых бородатых казаков человек в 20-25, вижу друзей и сверстников нашего погибшего отца, а впереди всех - урядники Михаил Иванович Татаринцев, Козьма Иванович Стуколов - баяны и трибуны казачества на станичных сборах.

"В чем дело, господа старики?... Почему Вы здесь?" - спрашиваю их.

"Да мы, застава... охраняем станицу", заговорили, как всегда в толпе, многие.

"Никакого приговора мне не надо. Полк сделал то, что сделал каждый - бы" говорю им, сердешным нашим станичным величинам.

"Не-ет, Федор Ванч!.. мы постановим!.. Да и ваапче, ежели-б не Лабинцы - нынче-же был-бы как у нашей станице! Разве мы этого не видим!" - говорит высокий матерный урядник Татаринцев.

Диалог окончен. Я говорю им, что мы идем "последними" и после Лабинского полка - уж никого нет позади "из белых", почему теперь им надо смотреть и охранять станицу внимательно.

Услышав это - они сразу-же замолчали, безусловно, почувствовав и поняв, что по отходе полка - может быть что-то страшное...

Милые и дорогие, неискушенные, благообразные и благородные все это наши "старики" - как глубоко я понимал их тогда! И жалел! Но их счастью и спокойствию в своей станице оставалось жить еще только десять дней. Красные неизбежно должны были занять Кавказскую. И заняли ее. И в числе первых-же жертв станицы - был 50-летний урядник Михаил Иванович Татаринцев - разстрелянный первым.

- * -

Все это было мною написано в мае 1941-го года, в Сайгоне, во Французской тогда колонии Индокитай. Написано по памяти, не имея никаких письменных заметок и бумаг. В ОФИЦИАЛЬНОМ СООБЩЕНИИ №7, напечатанном типографским способом в те дни, помеченным 19 февраля 1920г. станица Дмитриевская и подписанное командиром корпуса генералом Науменко и нач. штаба полковником Егоровым, об этом дне сообщено так:

"16-го февраля 1920 года, на разсвете, пользуясь густым туманом, два полка 39-й стрелковой дивизии большевиков, с частью конницы и артиллерии, выдвинувшись из станицы Дмитриевской - атаковали хутор Романовский и станцию Кавказскую, причем - им удалось захватить северную часть хут. Романовского и ворваться на несколько минут на станцию Кавказскую. Выдвинутыми из станицы Кавказской конными частями корпуса, при содей-

ствии бронепоездов "Степной" и "Генерал Черняев" - дальнейшее продвижение пр-ка было приостановлено и он был оттеснен из хутора на северные высоты, а затем, когда к 11-ти часам утра рассеялся туман и ясно обозначилось расположение пр-ка, направленное в охват полками - противник был опрокинут и начал отступление на хутор Лосевский. В то же время, третий полк 39 стрелковой дивизии, с конными разведчиками и артиллерией, подошел к станции Кавказской и атаковал ее, но огнем пластунов и гренадер - полк был отброшен и начал спешно отступать к реке Челбас.

Доблестные Лабинцы первого полка, под командой полковника Ф. Елисеева, направленные в разрез между двумя группами - нанесли вправо удар, захватив несколько десятков пленных и несколько пулеметов, а затем, повернув налево - отрезали отходившую большевистскую бригаду от ее отступления и поддержанные огнем бронепоезда "Генерал Черняев" - захватили целиком 343 и 344 советские полки со всеми их пулеметами и обозами".

В этом правдивом сообщении одно не верно: - бронепоезд не мог видеть красных, когда они покинули северные высоты, т.к. хутор расположен в глубокой низине, как и не мог достать своим огнем красных, на 10 верст находившихся от хутора Романовского где-то в степи, за многими перекатами. Но это есть мелочь. В остальном расхождений нет.

После 2-й Мировой войны, в Париже, совершенно случайно, нашел и приказ Войскового Атамана генерала Букретова о событиях тех дней, который и помещаю:

П Р И К А З
Кубанскому казачьему Войску
№170.
г.Екатеринодар. 20 февраля 1920г.

"Враг вошел в пределы Кубанского Края, и уже заливал кровью наши родные станции. Первый большевистский удар пришелся по станциям Кавказского Отдела, где в первые же дни было разстреляно около ста казаков.

В управление Кавказского Отдела стали стекаться казаки из занятых противником станиц и сообщать о творимых большевиками зверствах и насилиях. Рассказы живых свидетелей большевистского террора освежили отуманенные головы казаков этого Отдела и они, рассказавшись, взяли за оружие. Результат этого сказался немедленно.

16-го февраля, Кавказцы и Лабинцы наголову разбили под станцией Кавказской бригаду 39-й советской дивизии, при чем, 343 и 344-й советские полки взяли целиком в плен, а 345-й полк, почти весь уничтожен. Захватили свыше 600 пленных, 5 орудий, 20 пулеметов, много винтовок и обозов.

Объявляю доблестным Кавказцам и лихим Лабинцам свое Атаманское спасибо. Да послужат славные действия Кавказцев и Лабинцев примером для Вольной Кубани.

Войсковой Атаман, генерального штаба,
/ "Трагедия Казачества", т. 4, стр. 265 / генерал-майор Букретов.

В этом приказе не все верно. Все это сделал только один 1-й Лабинский полк и Кавказцы в атаке не участвовали, как и не участвовал ни один полк корпуса. Красные полки положили оружие и ни один красноармеец не был зарублен казаками. Где и кем были захвачены 5 орудий - мне не известно.

На 2-й день, генерал Науменко мне говорил, что полком было захвачено 1.500 пленных, с нач. дивизии, бывшим капитаном ген. штаба-латышем. Его фамилия начиналась на букву А., кажется Азол. Этот полный очерк был помещен в журнале "Кубанское Казачество" №2, Париж, декабрь 1931 г.

Август 1962г. Нью-Йорк.
/продолжение следует/.

Полковник Елисеев.